

Архив забытых имён • книга 1

ГОРОД, КОТОРЫЙ СТИРАЕТ ИМЕНА

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Виолетта Койвистойнен

Виолетта Койвистойнен

Город, который стирает имена

<https://litres.ru/74231352>

SelfPub; 2026

Аннотация

На старом стеклянном негативе, который попадает в мастерскую фотографа-реставратора Анны Светловой, у одного из людей постепенно исчезает лицо. Уже на следующий день пропадают все доказательства существования клиента, принёсшего снимок, а вскоре такое же искажение появляется на фотографии младшего брата Анны.

Единственным человеком, который понимает, что происходит, оказывается Глеб Северин – сотрудник закрытого Архива истинных имён. Он знает об Анне слишком много: её привычки, страхи и прошлое, которого она сама не помнит. Чтобы спасти брата, Анне придётся войти в скрытую сторону Невенска, где фотографии хранят следы памяти, документы меняются вслед за воспоминаниями, а людей можно стереть из жизни окружающих.

Но чем ближе Анна подбирается к разгадке, тем опаснее становится правда о событиях 8-летней давности. Ей предстоит решить, что важнее – сохранить спасительное забвение или вернуть себе прошлое, которое может разрушить всё, чему она привыкла верить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Серебро на стекле	10
Глава 2. Человек без визита	21
Глава 3. Слишком точный незнакомец	32
Глава 4. Слабый сигнал	44
Глава 5. Дом под рекой	56
Глава 6. То, что он помнил	69
Глава 7. Якорь	81
Глава 8. Пожар без жертв	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Виолетта Койвистойнен

Город, который стирает имена

Пролог

Красная лампа мигнула 3 раза и погасла. Женщина не сразу поняла, что темнота стала полной. Ещё секунду на месте увеличителя висел багровый прямоугольник, потом исчез и он. За стеной продолжал вращаться барабан установки – низко, с перебоями, будто тяжёлое колесо катилось по пустому коридору.

– Не двигайся, – сказал мужчина рядом.

Его голос был ближе, чем она ожидала. Женщина протянула руку и коснулась мокрой ткани рубашки. Вода текла с потолка: пожарная система сработала поздно и теперь заливала лабораторию с такой яростью, словно могла смыть случившееся вместе с копотью и химической сладостью перегретого проявителя.

– Я стою.

– Нет. Ты идёшь к раме.

Она посмотрела вниз. Носок ботинка оказался за жёлтой полосой на полу. Ещё шаг – и ладонь легла бы на металл, от

которого тянуло холодом, не похожим на сквозняк. Женщина отступила. В кассете сухо щёлкнула пластина.

– Установка работает без питания, – сказал мужчина.

– Я заметила.

Он назвал её по имени, но первый слог утонул в гуле барабана. На секунду в голове открылось белое место – ровная, безупречно освещённая пустота. Женщина забыла, где находится и почему пальцы дрожат. Память вернулась рывком: ночная лаборатория, люди в соседних комнатах, обещание убрать боль без потери личности, спор у пульта и изображение девушки, которое поворачивало голову между 2 экспозициями.

– Нужно разбить матрицу.

– Поздно. Контур уже замкнулся на тебе.

В дверном проёме вспыхнул аварийный фонарь. На миг она увидела рассечённую скулу мужчины, его левую руку, прижатую к боку, и сотрудницу с папкой архивных карточек под курткой. Листы размокли, чернила стекали вниз чёрными нитями.

– Руководитель отдела ушёл, – сказала сотрудница. – Забрал контейнеры и резервные пластины.

– Пока рама держит меня, ему не нужны контейнеры.

Мужчина понял раньше сотрудницы.

– Нет.

На металлическом столе лежал лист, прижатый стеклянной линейкой. Женщина написала его до запуска опыта, ко-

гда ещё надеялась остановить подачу раствора и сохранить доступ к собственной памяти. Почерк расплылся, подпись оставалась чёткой.

– Я согласилась на аварийный протокол.

– Не на полное удаление.

– На разрыв маршрута. Лаборатория, отдел, лица, которые ведут к установке. Всё.

Вода на полу потянулась к контактной раме тонкими дорожками. За стеной перестали кричать. Тишина означала не безопасность: люди в соседних комнатах уже теряли то, что установка выбрала для чужой конструкции.

– Мы можем изолировать способность, – сказал мужчина.

– Вы уже изолировали 6 человек. Один перестал узнавать детей, другая забыла музыку, третий не мог вспомнить дорогу домой. Не произноси это слово так, будто оно ничего не отнимает.

Сотрудница отвернулась. Женщина не была уверена, действительно ли увидела этот жест: настоящее уже смешивалось с чужими воспоминаниями и изображениями на мокрых пластинах.

Из аппаратной донёсся женский голос. Нечёткий, собранный из нескольких тембров:

– Папа?

Папка выпала из рук сотрудницы.

Женщина шагнула к мужчине. Он не удерживал её, только встал между ней и рамой. Такой способ защиты она ещё

могла принять.

– Проведи протокол. И не оставляй обходного пути.

– Я не уверен, что после удаления ты останешься в безопасности.

– Тогда запиши риск. Не превращай его в право решать за меня.

Он взял лист и прочитал до конца. Внизу были 3 запрета: не восстанавливать без нового согласия; не наблюдать за жизнью после процедуры; не сохранять отдельный фрагмент как страховку.

– Обещай, – сказала женщина.

Пауза длилась дольше, чем позволял гул установки.

– Обещаю.

Сотрудница поставила на стол резервную кассету. Красный индикатор мигал, хотя аппарат был отключён. Плёнка записывала их голоса с опережением на несколько секунд. Сначала женщина услышала собственное: «Начинай». Потом произнесла это вслух.

– Он фиксирует не звук, – сказала она. – Намерение.

Мужчина вытащил кассету, но катушки продолжили вращаться у него в ладони. На плёнке проступила серебряная полоса. Установка знала принятое решение и подталкивала к нему, как светлое пятно на снимке притягивает взгляд.

– Если я передумаю, остановишься?

– Да.

Она услышала ложь, которую он говорил не ей, а себе. Он

остановился бы, пока мог считать остановку спасением. Потом назвал бы страх чрезвычайной необходимостью.

Женщина сняла с шеи цепочку с ключом и положила ему на ладонь.

– После не приходи ко мне человеком, который знает слишком много. Не превращай мою жизнь в комнату ожидания.

– Я не смогу сделать вид, что тебя нет.

– Я не прошу забыть. Я прошу не владеть последствиями.

В воде отразилась лаборатория до пожара: целые стены, сухой пол, человек у пульта. В отражении он смотрел прямо на них, хотя реальный коридор за спиной был пуст.

– Он внутри связи, – сказала сотрудница. – Остались минуты.

Женщина сама закрепила датчик у виска. Руки дрожали, и 1-й контакт не защёлкнулся. Мужчина помог только после короткого кивка.

– Назови меня.

Он открыл рот. Барабан ударил по креплению, и имя снова исчезло в металлическом гуле. Процедура началась с запаха мокрой бумаги. Потом пропала схема коридора, лица у пульта, причина пожара. Последним держалось ощущение, что рядом находится человек, которому она доверяла выполнить просьбу и не доверяла пережить её без нарушения.

Перед тем как белое место закрыло лабораторию целиком, женщина увидела у него в руке тонкую стеклянную полоску.

На серебре сохранялась 1 линия её голоса. Мужчина спрятал полоску в металлический футляр. Она успела понять, что он нарушил обещание.

Через секунду уже не знала, кому оно было дано.

Глава 1. Серебро на стекле

Пыль на стеклянном негативе лежала неравномерно: по краям плотнее, в центре – тонким серым слоем, сквозь который едва угадывались лица. Анна не стала сразу снимать её кистью. Сначала поставила пластину на чёрный бархат, включила боковой свет и сделала 4 технических кадра. Пыль могла закрывать трещину эмульсии; неосторожная очистка превращала повреждение в работу реставратора, а не времени. Клиент ждал у окна и каждые полминуты проверял телефон без экрана.

– Её можно восстановить? – спросил он.

– Изображение – скорее всего. Историю на нём – только частично.

– Мне нужно увидеть всех.

Анна подняла взгляд. Мужчина сказал не «лица», а «всех».

– Кто изображён?

– Семья Воронцовых. Фотостудия принадлежала моему прадеду.

– А вы?

Он провёл большим пальцем по краю коробки.

– Павел.

Фамилию не назвал. Анна отметила это в договоре как вопрос, который уточнит позже. Она привыкла, что люди при-

носят семейные архивы вместе с неловкостью: незаконные дети, вторые браки, родственники, которых после ссоры вырезали ножницами. Никакая мистика для этого не требовалась.

– Не ретушируйте пустые места, – добавил Павел. – Даже если покажется, что там должен быть человек.

Анна решила, что он говорит о повреждённом участке слева. Слово «пустым» прозвучало странно: на пластине пока не было ничего, что требовалось оставить. Анна поставила пластину вертикально в держатель и направила боковой свет. На эмульсии проступили царапины, 2 скола и отпечаток пальца, оставленный задолго до того, как люди научились бояться цифровых следов. Самое опасное повреждение находилось у нижнего края – тонкая трещина доходила почти до изображения женского платья.

– Мыть нельзя, – сказала она.

Клиент сидел по другую сторону рабочего стола, положив ладони на колени. Пальто он не снял, хотя в студии было тепло. С него пахло мокрой шерстью и речной водой.

– Почему?

– Эмульсия отслаивается. Вода доберётся под неё, и часть изображения уйдёт вместе с грязью. Сначала сухая очистка, потом сканирование в высоком разрешении. Ретушь сделаю на цифровой копии. Оригинал останется таким, какой есть.

– А лица восстановите?

– То, что сохранилось. Придумывать недостающие черты

я не буду.

Мужчина кивнул, будто именно этого ответа и ждал. На вид ему было около 50, но Анна не могла удержать его возраст в голове. Стоило отвлечься, и лицо становилось неопределённым: то усталым, то почти молодым. Она списала это на свет. В июне Невенск редко бывал по-настоящему тёмным, и даже в пасмурный день окна студии отдавали холодной белизной.

Коробку он принёс старую, из плотного картона, перевязанную выцветшей лентой. Внутри лежали 18 стеклянных пластин, каждая в бумажном конверте. На конвертах – даты и фамилия «Воронцовы». Почерк менялся от аккуратного дореволюционного до резкого, шариковой ручкой.

– Все снимки семейные? – спросила Анна.

– Большинство. Этот самый важный.

Он указал на пластину в держателе.

На ней была семья из 7 человек перед фотостудией. Вывеску прочитать не удавалось: буквы пересекала трещина. Мужчины в тёмных костюмах, женщины в светлых платьях, подросток в матросской блузе. Слева стоял человек, чуть отделённый от остальных. Его лицо оказалось смазано, хотя складки пиджака и пуговицы были резкими.

– Длинная выдержка? – предположил клиент.

– Тогда смазалось бы всё тело. Или хотя бы воротник.

Здесь похоже на повреждение эмульсии.

Анна увеличила лупу. Вокруг головы тянулась тонкая сер-

повидная полоса, как след пузырька воздуха при проявке. Она видела такие дефекты, но ни один не выглядел настолько правильным.

– Кто это?

– Мой дед.

– Имя?

Мужчина ответил не сразу.

– Павел Воронцов.

Анна записала фамилию в бланк заказа, затем попросила телефон и электронную почту. Клиент продиктовал данные, не доставая мобильного. В графе «особые пожелания» попросил сохранить оригинальный размер отпечатков и не использовать автоматическое дорисовывание.

– Разумный человек, – сказала Анна. – Алгоритмы иногда добавляют родственникам чужие уши.

Он улыбнулся. Улыбка быстро исчезла.

– Сколько времени?

– Первичная оценка – 3 дня. Весь архив – около 3 недель. Если на остальных пластинах такая же эмульсия, может быть дольше.

– У нас нет 3 недель.

Фраза прозвучала слишком серьёзно для семейных фотографий. Анна подняла взгляд.

– Тогда начну с этой. Но спешка стеклу не полезна.

– Я не о стекле.

За окном прошёл трамвай. Витрина дрогнула, на полках

звякнули рамки. Мужчина повернулся на звук, и Анна заметила за его ухом небольшое тёмное пятно, похожее на засохший проявитель.

– Простите?

– Ничего. Позвоните, когда увидите, что меняется.

– Что именно должно меняться?

Он встал. Стул остался сухим, хотя пальто клиента было мокрым.

– Вы заметите.

Анна не любила загадочных заказчиков. Обычно за загадочностью скрывалось требование сделать из бабушки кинозвезду или незаметно убрать из семейного портрета бывшего супруга. Она проводила мужчину до двери, проверила, как он спускается по 3 каменным ступеням, и вернулась к бланку. В графе «имя заказчика» стояло: Павел Воронцов. Она была уверена, что он называл так деда.

Анна вышла на крыльцо. Узкий двор-колодец был пуст. До арки мужчина не успел бы дойти: она находилась в 30 м, за поворотом. С карниза капала вода, в раскрытом окне 2-го этажа кто-то встряхивал половик.

– Артём! – позвала Анна.

Дверь соседней мастерской открылась. Артём Круглов показался с деревянной рамой в руках и карандашом за ухом.

– Если это опять про мой компрессор, он сегодня ведёт себя прилично.

– Мужчина только что вышел. В сером пальто. Видел?

Артём посмотрел к арке.

– Нет. Я 5 минут у двери стою.

– Ты был внутри.

– С открытой дверью. У меня лак сохнет. А что, не запла-
тил?

– Оставил заказ.

– Тогда пусть исчезает на здоровье.

Анна вернулась в студию. Шутка зацепилась неприят-
но, но быстро растворилась в привычных действиях. Она
присвоила заказу номер, сфотографировала состояние каж-
дой пластины, надела нитриловые перчатки и начала сухую
очистку мягкой кистью. Работала без музыки: при старом
стекле важнее слышать, как кисть проходит по поверхности.
Если эмульсия начинала шелушиться, звук становился чуть
более шероховатым.

К 6 вечера она закончила 4 пластины. Дождь усилился,
свет во дворе стал густым и серым. Артём принёс чай в круж-
ке с треснувшей ручкой и остановился у сканера.

– Семейная хроника?

– Похоже. Студия «Фотография Северного света», начало
прошлого века.

– Красивое название. Нам надо объединиться. «Светотень
и Северный табурет».

– Твоя мастерская называется «Круг».

– Потому что я был молод и верил в лаконичность. Теперь
мне 33, я верю в понятные вывески и авансы.

Анна открыла предварительный скан. На мониторе появилось изображение семьи. Плотность негатива была высокой, поэтому она выровняла экспозицию и убрала общий цветовой оттенок, не касаясь локальной ретуши.

– Смотри, – сказала она. – Видишь мужчину слева?

– Вижу костюм. Лицо будто тёрли ластиком.

– На стекле нет потёртости.

Артём наклонился ближе.

– Может, двойная экспозиция?

– Тогда были бы контуры второго изображения.

Он отпил чай и пожал плечами.

– Значит, твоя любимая категория: «дорого, долго и непонятно».

После его ухода Анна сделала контактную печать. Не потому, что это требовалось для заказа – цифрового скана было достаточно, – а из упрямства. Бумага под увеличителем позволяла увидеть тональные переходы иначе. В красном свете лабораторного уголка движения становились медленнее, точнее. Анна выставила время, положила бумагу в проявитель и слегка качнула кювету.

Сначала проступила вывеска. Потом окна, белые лица женщин, линия мостовой. Мужчина слева появился последним.

На первом отпечатке у него не было глаз. Анна выключила таймер. Взяла лупу, проверила исходную пластину. Глаза на негативе были – слабые, но различимые. На скане тоже.

Она сделала второй отпечаток, увеличив экспозицию на 2 секунды. На этот раз исчезли нос и рот. Анна достала бумагу щипцами раньше срока. Изображение продолжило проявляться в фиксаже, что было невозможно. Серповидный дефект вокруг головы стал темнее. Граница лица расползалась, захватывая воротник.

Она включила белый свет и сравнила отпечатки. На первом уже не было всей головы. На втором фигура мужчины истончилась, словно за ней проступала кирпичная стена. Анна быстро открыла исходный скан. Пустое место слева от себя.

Она проверила историю файла. Скан был создан 2 часа назад, исходные данные не менялись. Открыла резервную копию на отдельном диске – тот же результат. Повернулась к стеклянной пластине. На ней мужчина ещё стоял, но контур его плеча дрожал, будто изображение находилось под водой.

Анна сняла перчатку и коснулась холодного края. Боль ударила под левый глаз. Не острая – тяжёлая, тянущая, знакомая по мигреням, которые начались 8 лет назад. Вместе с ней пришёл запах: перегретый металл, мокрая бумага и химическая сладость старого проявителя. На секунду студия исчезла. Перед Анной была дверь с табличкой «Лаборатория 4». Чья-то ладонь прижимала её к красной стене. Мужской голос говорил: «Не смотри на пластину».

Она отдернула руку. Видение пропало. На столе лежало стекло, за окном гремел трамвай, чай Артёма остывал ря-

дом со сканером. В нижней части негатива появился новый штрих. Анна решила, что это трещина, но линия сложилась в буквы.

НЕ ДАЙТЕ ИМ ЗАБЫТЬ. Она моргнула. Надпись исчезла. Анна не доверяла глазам, когда рядом был прибор. Она снова установила пластину в сканер, отключила автоматическую коррекцию, выбрала 16-битный режим и сделала проход без повышения резкости. Затем другой – с обратной стороны стекла. Если изображение разрушалось физически, изменения должны были отличаться. Они не отличались.

Она открыла файлы на старом ноутбуке, который не подключался к сети. Мужчины не было и там. В журнале программы сохранилась странность: область слева занимала больше данных, чем пустая мостовая. Файл «помнил» фигуру, которую не показывал. Анна распечатала контрольную шкалу и положила рядом с негативом. На бумаге ничего не изменилось. Значит, дело было не в свете, влажности или химии. Она произнесла это вслух, как делала при сложной реставрации: перечисляла исключённые причины, пока страх не превращался в задачу.

– Исходник есть. Изображения нет. След данных есть, – сказала она. – Человек был.

Слова прозвучали нелепо, но после них стало легче.

Она позвонила Никите. Тот не ответил, прислал сообщение: «На записи. Если пожар – звони 2 раза». Анна набрала снова и отключилась до соединения. Не пожар. Пока ещё

нет.

В шкафу нашлась её старая плёночная камера. Анна сфотографировала негатив на просвет, прокрутила плёнку вручную и подписала кадр карандашом. Аналоговая страховка казалась суеверием, но цифровым копиям она уже не верила. Затем записала в журнал: время, температуру, состав раствора, положение пластины. В графе «наблюдение» вывела: «Фигура исчезает независимо от носителя».

Рука остановилась. Она не написала «человек». Профессиональная осторожность держалась за слово «фигура», как за поручень. За дверью кто-то прошёл. Тень пересекла матовое стекло и остановилась у ручки. Анна ждала стука. Его не было. Когда она открыла, двор оказался пустым, но на нижней ступени лежала мокрая бумажная лента от коробки Воронцова.

Лента была разрезана, хотя Анна развязала узел и оставила её на столе. Вернувшись, она увидела, что узел по-прежнему лежит рядом с коробкой. 2 одинаковые ленты. Одна сухая, другая с улицы. На мокрой проступала надпись: «Павел Аркадьевич, не Павел Сергеевич».

Анна не знала ни одного Сергеевича. Но стоило прочесть, как в памяти возник клиент, представившийся Павлом Сергеевичем Воронцовым. Через секунду отчество исчезло. Она осталась с уверенностью, что только что потеряла конкретный факт. Анна положила мокрую ленту в пакет, подписала время и решила утром проверить камеры. Потом снова

посмотрела на стекло. Пустое место казалось слишком ровным – композиция тянула взгляд к отсутствию, словно фотограф заранее оставил пространство для того, кого однажды не станет.

И вслед за надписью со стеклянной пластины пропал человек.

Глава 2. Человек без визита

Утром Анна нашла договор в папке «Текущие заказы». Бумага лежала там, куда она положила её вечером, но была чистой. Она проверила лист на просвет. Вдавленные линии ручки сохранились: дата, стоимость, 9 букв фамилии. Анна заштриховала бумагу мягким карандашом на отдельной кальке, не касаясь оригинала. Проявилось «Воронцов», затем буквы начали расползаться прямо под графитом.

Она сфотографировала результат. На экране телефона фамилия уже отсутствовала. Тогда Анна переписала её от руки в блокнот и добавила: «Я лично слышала имя Павел. Мужчина был в сером плаще, левый манжет испачкан фиксажем». Конкретные наблюдения держались лучше общего утверждения «клиент существовал».

Артём заглянул из соседней мастерской с пачкой шурупов.

- Ты вчера поздно закончила?
- После 10.
- Одна?
- С клиентом.
- Я заходил за удлинителем. Тут никого не было.

Анна показала ему вмятину на кресле, мокрый след у двери и коробку негативов.

- Коробку видел, – сказал Артём. – Думал, ты принесла.

– А кресло?

– Старое кресло всегда так выглядит.

Через 2 минуты вмятина расправилась. Мокрый след высох, не оставив грязи. Коробка осталась. Анна написала на её крышке: «Принёс Павел Воронцов». Чернила держались. Пока она знала не только факт, но и действие, след не исчезал полностью.

Не пустой – на листе сохранились линии таблицы, номер заказа и её подпись. Данные клиента исчезли так аккуратно, будто их никогда не печатали. Только в графе даты проступали цифры: 27 июня. Год менялся, пока Анна смотрела. Сначала 2026, потом последняя цифра расплылась и стала похожа на 8.

Она сфотографировала лист. На экране телефона дата оказалась обычной.

– Отлично, – сказала Анна пустой студии. – Теперь ещё и бумага издевается.

Ночью она почти не спала. Убрала негатив в металлический шкаф, проверила замок 4 раза и всё равно проснулась в 3:17 от уверенности, что в лабораторном уголке работает увеличитель. Домой она не поехала – уснула на диване в комнате для клиентов, под пледом, который пах пылью и кофе. Первым делом Анна открыла программу учёта. Заказ № 418 существовал, но поля клиента были пустыми. В журнале звонков отсутствовал номер Воронцова. Переписка, которую она помнила – 2 коротких сообщения о времени визита, –

исчезла. Корзина была очищена в 4:03, хотя телефон лежал рядом с ней в авиарежиме.

Она позвонила оператору. Девушка на линии вежливо сообщила, что соединений с продиктованным номером не зафиксировано, а сам номер не распределён абоненту.

– Вчера он работал.

– Возможно, вы ошиблись цифрой.

Анна не ошибалась в цифрах клиентов. Она могла забыть, зачем вошла в комнату, оставить ключи в холодильнике, однажды пришла на встречу на неделю раньше. Но телефон, адрес, параметры съёмки запоминала с фотографической точностью, пока заказ не был закрыт. Это было частью работы. Она поднялась на 2-й этаж к Тамаре Ивановне, которая знала всё о дворе – от просроченных платежей управляющей компании до романа жильца из квартиры 7 с женщиной, носившей жёлтый зонт.

– Вчера около 3 ко мне заходил мужчина, – сказала Анна.

– Серое пальто, высокий, лет 50. Вы были у окна.

– Вчера дождь был.

– Именно.

– Я при дожде окна не открываю.

– Вы выбивали половик.

Тамара Ивановна посмотрела с искренней обидой.

– Я половики не выбиваю с 2021 года. У меня пылесос с турбощёткой.

У неё действительно был пылесос с турбощёткой. Тамара

Ивановна рассказывала о нём каждому, кто задерживался на лестнице дольше 20 секунд.

– Может, позавчера? – спросила она уже мягче. – Ты бледная. Опять свои головные боли?

Анна спустилась, не ответив.

Камера над входом записывала непрерывно. На видео в 14:58 Анна открыла дверь, постояла на пороге и отступила, пропуская кого-то внутрь. Никого не было. В 15:37 дверь снова открылась. Анна повернула голову к пустому месту на уровне лица, что-то сказала и закрыла дверь.

Она посмотрела запись 3 раза. На четвёртый выключила звук: собственный голос, вежливо произносивший «до свидания», пугал сильнее пустого кадра. Артём пришёл в 10 с пакетом булочек и спросил, почему она ночевала в студии.

– Откуда знаешь?

– Свет горел. И ты в той же рубашке.

– Ты видел вчера клиента?

– Какого?

– Мужчину в пальто. Я тебя спрашивала.

Артём положил пакет на стойку.

– Ты спрашивала, не шумит ли компрессор.

– Нет. Потом. Я вышла во двор.

– Ань, ты точно нормально себя чувствуешь?

Она не ответила. Открыла шкаф и достала негатив. Пустое место на снимке сохранилось. Семья стояла теснее, чем вчера, словно композиция всегда была рассчитана на 6 че-

ловек.

– Здесь был мужчина, – сказала Анна.

Артём взял лупу.

– Откуда ты знаешь?

– Я его видела.

– На снимке?

– И в этой комнате.

Он перестал улыбаться.

Артём знал о её провалах в памяти. После аварии 8 лет назад врачи называли их последствием черепно-мозговой травмы, хотя на обследованиях не нашли ничего, кроме старого шрама у виска. Обычно выпадали мелочи: название улицы, разговор, кусок фильма. Однажды Анна не вспомнила месяц жизни, но записи в календаре и фотографии помогли восстановить его почти полностью. Почти – слово, которым она научилась прикрывать страх.

– Позвони Никите, – сказал Артём. – Пусть приедет.

– Не надо делать из этого семейный совет.

– Тогда к врачу.

– Врач не объяснит, почему меня не видно разговаривающей с человеком на камере.

– Именно поэтому к врачу.

Анна забрала у него лупу.

– Мне нужно найти фотостудию с вывески.

– Какую вывеску?

Она поднесла негатив к свету. Трещина пересекала назва-

ние, но теперь буквы читались лучше: «Северный свет. К. М...» Последняя часть была стёрта.

– В городском архиве могут быть адресные книги, – сказала Анна.

– Я поеду с тобой.

– У тебя заказ.

– И у тебя заказ. Клиент-призрак не оставил аванс, между прочим.

Артём шутил, когда не знал, как помочь. Анна знала эту привычку и обычно принимала её с благодарностью. Сейчас каждое слово будто толкало негатив ближе к краю стола.

– Я сама.

Она убрала пластину в плоский футляр, сделала 3 резервные фотографии на разные носители и оставила Артёму ключ от студии. По дороге к архиву позвонила брату. Никита ответил после 6-го гудка. На фоне звучала музыка – один и тот же фрагмент виолончели повторялся, каждый раз обрываясь на высокой ноте.

– Ты занята? – спросил он вместо приветствия.

– Я первая позвонила.

– Значит, точно занята. У меня 2 минуты до записи.

– Ты вчера заходил?

– Нет. Мы договаривались на завтра.

– О чём?

– Аня.

Он замолчал. Виолончель продолжала повторяться.

– О чём мы договаривались? – спросила она.

– Ты обещала снять обложку для проекта. Я принесу рекордер и наконец почию тебе колонку. Ты записала в календарь.

В календаре ничего не было.

– Записала, – соврала Анна.

– С тобой всё нормально?

– Не выпалась.

– Я могу приехать вечером.

– Не надо. Завтра.

Она отключилась прежде, чем он услышал тревогу. Потом открыла мессенджер. В переписке с Никитой нашла его сообщение недельной давности: фотография афиши, где он был указан звукорежиссёром документального спектакля «Дом, которого нет». На снимке Никита стоял рядом с режиссёром и улыбался. Анна увеличила изображение.

Лицо брата было резким. Только у правого виска тянулась тонкая светлая дуга. Та же форма, что на негативе Воронцовых. Анна вышла из трамвая на 2 остановки раньше и села на мокрую скамейку. Скачала исходный файл фотографии, который Никита присылал после съёмки. Метаданные сохранились: дата, модель камеры, экспозиция. Она открыла изображение в редакторе и подняла контраст.

Дуга стала темнее. Под ней исчезло несколько волос. Анна набрала брата снова. Он не ответил. Написала: «Пришли голосовое, как освободишься».

Сообщение не доставилось. Городской архив занимал бывший банк на Клинской площади. За тяжёлыми дверями пахло мокрыми пальто, бумагой и полировкой для пола. Анна прошла контроль, заполнила заявку на адресные книги и поднялась в читальный зал.

Дежурная сотрудница изучила её запрос.

– «Северный свет»? Фотографий с таким названием было 5.

– На вывеске после «К» начинается фамилия владельца.

– Тогда каталог по дореволюционной торговле. Сектор 3.

У стеллажа уже стоял мужчина. Тёмная рубашка, серый пиджак, узкое лицо, волосы с первой сединой у висков. Он держал тот самый каталог, который требовался Анне.

– Простите, – сказала она. – Вы надолго?

Мужчина обернулся.

Его взгляд остановился на ней на долю секунды дольше, чем положено незнакомцу. Не удивление. Скорее боль, которую быстро убрали с лица.

– Анна Светлова, – произнёс он.

Она не носила бейджа.

– Мы знакомы?

– Глеб Северин. Консультант архива.

Он закрыл каталог и посмотрел на футляр в её руках.

– Вам принесли стеклянный негатив.

Это не было вопросом.

– Откуда вы знаете?

– Потому что человек, который его принёс, исчез 6 лет назад.

Прежде чем уйти от стеллажа, Анна потребовала показать карточку исчезнувшего дела. Глеб провёл её в служебную комнату с микрофильмами. Дежурная не спросила разрешения – только увидела его удостоверение и отвернулась. Это была мелочь, но Анна отметила: консультанту позволяли слишком многое. На экране появился полицейский протокол. Сначала имя Павла Воронцова читалось ясно. Через минуту буквы стали серыми, как плохо наведённый фокус. Глеб попросил Анну переписать строку от руки. Она успела вывести фамилию и дату, прежде чем текст исчез.

– Почему рукопись держится? – спросила она.

– Потому что вы знаете, кого записываете, в момент движения руки. Это создаёт короткую личную связь.

– А если переписывает человек, который его не помнит?

– Останутся буквы без значения. Потом исчезнут.

Анна перевернула лист. Чернила уже проступали на обратной стороне, хотя бумага была плотной. Там складывался адрес её студии.

– Это сделал я? – спросил Глеб.

– Вы стояли напротив.

– Значит, след использует ближайший носитель.

– Вы говорите о нём как о заразе.

– Иногда так безопаснее думать.

Она заметила на полке папку с индексом «С-18». На

корешке была наклейка, снятая и приклеенная снова. Под верхним слоем читалось «Светлова А. А.».

Глеб закрыл шкаф раньше, чем Анна успела дотянуться.

– Моя папка?

– Совпадение индекса.

– Неубедительно.

– Согласен.

– Тогда откройте.

– Не имею права.

– Зато имеете право заранее знать про фотографию Никиты?

Он опёрся ладонью о дверцу. Анна увидела, что выбор ответа даётся ему не из-за секретности, а из-за личного страха.

– Если открыть сейчас, вы можете вспомнить событие, к которому не готовы физически. Ваши мигрени – не последствия травмы в обычном смысле. Они сигнал перегрузки.

– Вы врач?

– Нет.

– Тогда не используйте медицинские слова как замок.

Глеб всё же не открыл. Вместо этого вынул из кармана блокнот и показал страницу. На ней были даты её приступов за последние 6 месяцев. Не все – только те, после которых она находила в студии изменившиеся фотографии.

– Вы следили.

– Проверял открытые публикации и отчёты системы.

– Какой системы?

– Той, куда я предлагаю прийти вечером.

Анна сфотографировала страницу. На экране даты исчезли, но в бумажном блокноте остались.

– Отдайте лист.

Глеб вырвал и протянул без спора. Эта готовность напугала сильнее сопротивления. Он словно давно приготовился к моменту, когда она потребует доказательство. Внизу листа была фраза, написанная 8 лет назад: «Если Анна снова увидит серп, не позволять ей работать одной».

Почерк принадлежал Глебу.

– Кто дал вам право? – спросила она.

– Никто.

– Наконец честно.

Он открыл дверь служебной комнаты. В читальном зале всё выглядело обычным: люди листали описи, женщина точила карандаш, за окном шёл дождь. Анна подумала, что невозможное лучше всего прячется не в темноте, а среди правил, к которым все привыкли.

Глава 3. Слишком точный незнакомец

– Исчез 6 лет назад физически или вы используете это слово в каком-то архивном смысле? – спросила Анна.

Глеб положил на стол газетную вырезку. В ней сообщалось о закрытии фотостудии «Северный свет» после пропажи владельца. На фотографии у входа стоял Павел – старше вчерашнего клиента минимум на 10 лет.

– Это он? – спросил Глеб.

– Лицо похоже. Но вчера он выглядел моложе.

– След часто выбирает возраст, связанный с самым сильным решением.

– Вы говорите так, будто это медицинский термин.

– Было бы проще.

Анна увеличила вырезку. На вывеске дата открытия студии менялась при каждом масштабировании: 1908, 1912, 1910. В отражении окна стоял человек в светлом плаще.

– Вы его видите? – спросила она.

– Да.

– Значит, не галлюцинация.

– Совпадающая галлюцинация тоже возможна.

– Успокаиваете отвратительно.

– Не моя специализация.

Он произнёс сухо, но уже знал, что Анна скажет дальше: «Тогда какая?» В прошлом она задавала этот вопрос после каждого его неудачного утешения.

– Тогда какая? – спросила она.

Глеб отвёл взгляд к вырезке, будто ответ находился там.

– Сохранение того, что другие перестают замечать.

Анна уловила паузу перед «другие». Он едва не сказал «мы».

Глеб не ответил сразу. Сотрудница за столом подняла голову, и он жестом предложил пройти к дальнему окну. Там шум вентиляции заглушал голоса.

– Павел Воронцов пропал 18 октября 2020 года, – сказал он. – Полиция закрыла дело через 2 года. Родственников не нашли.

– Он был у меня вчера.

– Я верю.

Это прозвучало хуже, чем недоверие.

Анна поставила футляр на подоконник, не выпуская ремешок из пальцев.

– Почему?

– Потому что видел подобное.

– Где?

– В работе.

– Консультанта городского архива часто навещают люди, исчезнувшие 6 лет назад?

– Не настолько часто, чтобы привыкнуть.

В другой ситуации его спокойствие раздражало бы. Сейчас оно удерживало разговор от распада. Глеб говорил без драматических пауз и не пытался убедить её в сверхъестественном. Он просто называл невозможное так, будто оно имело номер дела и место на полке.

– Покажите пластину, – сказал он.

– Сначала документы о Воронцове.

– Их больше нет.

– Вы только что назвали дату исчезновения.

– Я помню её.

– А дело?

– Изменилось.

Анна посмотрела на него внимательнее. На правой манжете – след чернил. Под ногтем большого пальца – тонкая линия химического ожога, слишком старая для канцелярской работы. На запястье, там, где рукав чуть поднялся, белел рубец.

– Вы работали с фотохимией.

Глеб опустил взгляд на руку, словно забыл о шраме.

– Давно.

– И знаете, что было на пластине.

– Знаю, что могло быть.

– Вы знаете мою фамилию, хотя я не представилась. Знаете про негатив. Слишком быстро поверили в человека, которого нет на записи. И сейчас предлагаете показать вам единственное доказательство.

– Разумное возражение.

– Это не возражение. Это отказ.

Она взяла футляр. Глеб не преградил дорогу.

– У вашего брата уже изменилась фотография, – сказал он.

Анна остановилась.

– Что вы сказали?

– На свежем снимке. Вероятно, возле виска или по контуру лица. На старых пока ничего.

– Вы следили за Никитой?

– Нет.

– Тогда откуда знаете?

Впервые его спокойствие дало трещину. Глеб провёл ладонью по краю каталога и сказал:

– Такие случаи начинаются одинаково. Тот, кто способен заметить первое исчезновение, вскоре видит метку на челе, которого боится потерять.

– Способен заметить?

– Большинство людей не увидели бы изменения. Вы увидели.

Анна вспомнила, как Артём смотрел на негатив и не понимал, откуда она знает о мужчине. Вспомнила пустое место на записи камеры.

– Что происходит с Никитой?

– Пока только первая стадия.

– Сколько их?

– 4.

– И последняя?

– Человек исчезает.

В читальном зале кто-то уронил карандаш. Обычный сухой звук заставил Анну вздрогнуть сильнее, чем слова Глеба.

– Как это остановить?

– Сначала нужно убедиться, что метка настоящая. И найти якорь.

– Какой ещё якорь?

– Предмет или место, связанное с устойчивым воспоминанием о Никите. То, что не изменится вместе с документами.

– Вы говорите так, будто это научная процедура.

– Нет. Научная процедура воспроизводима. Здесь мы чаще надеемся на накопленный опыт.

– «Мы» – это кто?

Глеб оглянулся на зал.

– Не здесь.

Анна достала телефон и открыла фотографию брата. Светлая дуга стала шире. Теперь под ней исчезал край брови.

– Мне нужен ответ сейчас.

– Тогда позвоните ему.

– Он не отвечает.

– Голосовые сообщения есть?

– При чём здесь голос?

– Память оставляет след не только в изображении. Если

стирание дошло до записей, его имя начнёт выпадать из метаданных, а голос – искажаться на участках, где он говорит о себе.

Анна открыла последнее сообщение Никиты. Трёхминутная запись с репетиции. В начале он произносил: «Это Никита, дубль 4». На месте имени слышался короткий шорох.

Она включила повторно. Шорох остался.

– Вчера там было имя.

– Я знаю.

– Не говорите «я знаю».

Глеб замолчал.

Анна набрала Никиту ещё раз. На этот раз он ответил.

– Ань, я в аппаратной. Что случилось?

Голос был живым, раздражённым, знакомым. Она ухвати-лась за него.

– Назови своё полное имя.

– Ты решила оформить на меня кредит?

– Никита, пожалуйста.

Пауза.

– Никита Андреевич Светлов. 27 лет. Не женат, но это временно и не твоё дело. Теперь скажешь, что происходит?

Глеб едва заметно расслабил плечи.

– Где ты? – спросила Анна.

– В театре. До 7. Потом к Миле. У неё сегодня просмотр квартиры.

– Ты переезжаешь?

– Мы 2 недели это обсуждаем.

Анна ничего не помнила.

– Я приеду.

– На репетицию нельзя.

– Тогда выйди на 5 минут.

– Аня, у нас режиссёр уже готов съесть реквизитора. Давай вечером.

Связь оборвалась. Не Никита отключился – экран показал «ошибка сети», хотя в углу было 4 деления.

– Он пока помнит себя, – сказал Глеб. – Это хорошо.

– А я забыла, что он собирается переезжать.

– Возможно, обычный провал.

– Вы знаете о моих провалах?

Глеб посмотрел в окно. На площади блестели трамвайные рельсы, прохожие обходили лужи. Его профиль был ей неприятно знаком – не лицом, а расстоянием между ними. Анна знала, как он выглядит, когда избегает ответа. Знала, хотя видела впервые.

– В открытых медицинских данных этого нет, – сказала она.

– Я не смотрел медицинские данные.

– Тогда откуда?

– Позже.

– Нет никакого «позже».

– Есть, если вы хотите успеть к брату.

Он достал из внутреннего кармана тонкую карточку без

логотипа и написал адрес: Клинская набережная, 14, вход со двора, 21:00.

– Принесите негатив. Никиту пока не приводите.

– Почему я должна вам доверять?

– Не должны. Поэтому возьмите с собой человека, которому доверяете, сообщите адрес и не отдавайте пластину из рук. Но до вечера найдите вещь Никиты, существующую дольше 10 лет. Лучше сделанную им или для него. И не фотографуйте её.

– Почему?

– Цифровые копии помогают стиранию добраться до оригинала.

– Вы сейчас придумали правило, которое невозможно проверить.

– Проверить можно. Один раз.

Он повернулся к стеллажу и достал папку. На обложке значилось: «Торговые предприятия. 1908–1913». Внутри была карточка фотостудии «Северный свет». Владелец – Константин Матвеевич Маркелов.

Анна прочитала фамилию. Под левым глазом вспыхнула боль. Красная стена. Мужчина с седыми волосами поправляет положение её рук над кюветой. «Не торопись. Изображение не любит, когда его заставляют».

Она схватилась за подоконник.

Глеб оказался рядом мгновенно, но не коснулся.

– Что увидели?

– Ничего.

– Анна.

– Откуда вы знаете, как я реагирую?

Он сжал карточку так сильно, что картон хрустнул.

– Потому что 8 лет назад это уже случилось.

Анна подняла голову.

– Со мной?

– Да.

– Вы были там?

– Да.

– Кто вы?

Глеб ответил не сразу.

– Человек, который однажды не смог защитить ваше право на правду.

Он положил карточку на подоконник. На обороте проступила новая строка – чернилами, которых секунду назад не было: «Пожар. 27 июня 2018 года. Погибших нет». Анна коснулась даты. Последняя цифра дрогнула и превратилась в 6.

2026. Сегодня. Анна не ушла по адресу сразу. Она села в архивном кафе и заставила Глеба отвечать на вопросы в порядке, который выбрала сама. Условие было простым: 10 минут без фраз «позже» и «небезопасно».

– Почему стирание начинается с фотографий?

– Не всегда. Просто изображение фиксирует расхождение раньше человеческой памяти.

– Почему именно я вижу?

– Вы работали с особой эмульсией и пережили контакт с установкой.

– Какой установкой?

– Мнемографом. Он должен был регистрировать след памяти.

– Кто его создал?

Глеб посмотрел на часы.

– Константин Маркелов.

Имя снова отозвалось болью.

– Он жив?

– Официально нет.

– Вы верите официальному ответу?

– Нет.

– Сколько людей исчезло?

– Полностью – 13 подтверждённых. Частично пострадали десятки. Возможно, больше.

– И вы продолжаете скрывать организацию.

– Да.

– Почему?

– Потому что открытая информация тоже становится свястью. Если тысячи людей узнают имя исчезающего, иногда это удерживает его. Иногда, наоборот, даёт стиранию тысячи новых путей.

– Удобная причина для секретности.

– Очень.

Он не защищал Архив, и это сбивало. Анна ожидала вер-

бловочной речи, а получала признание недостатков. За соседним столом девушка просматривала фотографии на ноутбуке. На одном кадре стоял мужчина с размытым лицом. Анна резко наклонилась. Обычное движение, малая глубина резкости. Никакого серпа. После первого исчезновения она начинала видеть угрозу в каждом дефекте.

Глеб заметил.

– Не всё размытие означает стирание.

– Спасибо. Я фотограф.

– Я помню.

Он сказал это слишком лично.

– Что ещё вы помните обо мне?

Глеб сделал глоток кофе, хотя чашка была пустой.

– Вы считаете ложью ретушь, которая меняет историю снимка. Всегда носите запасную карту памяти в правом кармане. Не любите, когда человек смотрит на фотографию и первым делом спрашивает, можно ли сделать моложе.

Анна проверила карман. Карта была там.

– Это можно узнать из блога.

– Вы перестали писать о ретуши 5 лет назад.

– Значит, читали старые публикации.

– Читал.

– Почему?

10 минут закончились. Глеб мог воспользоваться условием, но ответил:

– Чтобы убедиться, что вы живёте.

Анна почувствовала злость, за которой пряталось нежелательное сострадание. Она не знала, какую потерю он пережил, и не хотела позволять ей оправдать наблюдение.

– Жить и быть объектом контроля – разные вещи.

– Знаю теперь.

– А раньше?

– Нет.

На выходе из кафе Анна заметила в стекле человека в сером пальто. Он стоял позади Глеба. Она обернулась – никого. В отражении мужчина поднял руку и указал на футляр.

– Воронцов, – прошептала Анна.

Глеб посмотрел в стекло, но увидел только их двоих.

– Что он делает?

– Показывает на негатив.

Она открыла футляр. На пустом месте рядом с семьёй появилась тонкая стрелка, направленная к подростку в матросской блузе. На воротнике был значок той же формы, что светлая дуга у виска Никиты.

– Это не случайный выбор жертвы, – сказала Анна. – Никита связан с тем, кто уже исчез.

– Или с тем, кто направляет след через семейные связи.

Глеб быстро записал номер кадра и попросил не касаться стекла. Анна впервые послушалась не потому, что он приказал, а потому что увидела страх, который относился не к тайне, а к её боли.

– Ваш брат не первая цель, – сказал Глеб. – Он следующая.

Глава 4. Слабый сигнал

Театр «Камертон» стоял у Заводского канала, в бывшем трамвайном депо. Анна приехала к театру за 40 минут до конца репетиции и села в фойе. Через стеклянные двери была видна сцена между кирпичными колоннами, а по полу тянулись длинные кабели. Она не стала рассказывать Никите по телефону о человеке без лица и 4 стадиях стирания. Даже в собственной голове это звучало слишком удобно и неправдоподобно. Но фотография брата менялась. Его имя исчезло из записи. И Глеб знал о головной боли, которую Анна никому не описывала.

На стене висели афиши прежних спектаклей. На одной Никита был указан в составе команды. Буквы его имени выглядели бледнее остальных. Анна достала телефон, сделала снимок, затем вспомнила предупреждение Глеба и выругалась вполголоса. Удалила файл. На афише имя стало ещё светлее.

– Так и знал, что ты придёшь раньше.

Никита подошёл со стороны зала, снимая наушники. Высокий, худой, в чёрной футболке с пятном мела на плече. Волосы он снова отрастил и собирал резинкой, которую постоянно терял. Анна знала каждую деталь, но смотрела на него так жадно, что он нахмурился.

– Что?

– Ничего.

– У тебя лицо «ничего» бывает, когда ты нашла плесень на негативе. Я не негатив.

– Покажи фотографию с афиши. Исходник.

– Привет, Никита. Как репетиция? Не оглох ли ты? Как твоя жизнь?

– Привет. Как репетиция? Дай телефон.

Он протянул мобильный, продолжая изучать её.

Исходный файл сохранился в облаке. На нём светлая дуга пересекала висок и уходила к уху. Анна увеличила снимок. Край лица потерял текстуру, словно кто-то слишком усердно применил размытие.

– Это было раньше? – спросила она.

– Что?

Она показала.

– Пересвет.

– Свет с другой стороны.

– Тогда дефект объектива.

– На остальных людях его нет.

Никита пожал плечами, но забрал телефон быстрее, чем требовалось.

– Ты это уже видел.

– Вчера. Решил, что файл битый.

– И не сказал мне.

– Ты не единственный фотограф в городе.

– Я твоя сестра.

– Именно. Ты бы открыла 14 программ, разобрала пиксели, позвонила владельцу камеры и до утра не спала. Как сегодня.

Он кивнул на её рубашку.

Чтобы исключить повреждение старого файла, Никита согласился на 3 новых кадра, но сам выбрал место и свет. На первом всё было нормально. На втором левый край лица потерял детализацию, хотя фокус пришёлся точно на глаз. На третьем вместо Никиты камера записала фон сцены.

– Ошибка затвора? – спросил он.

Анна показала исходные файлы. Метаданные совпадали, динамический диапазон не был повреждён, соседние предметы оставались резкими.

Никита перестал шутить.

– Вчера в записи спектакля пропал мой голос. Все дорожки есть, а реплики режиссёра звучат так, будто он разговаривает один.

– Почему не сказал?

– Потому что ты объяснила бы усталостью, а потом всё равно приехала. Хотел сначала собрать факты.

Он достал кассету с голосовыми сообщениями самому себе. Анна увидела в этом не безрассудство, а профессиональную привычку брата фиксировать звук, когда изображению уже нельзя доверять.

– У тебя есть старые вещи? Те, что с детства.

– Дома коробка. А что?

– Поедем.

– У меня через час встреча с Милой.

– Отмени.

– Нет.

Ответ был спокойным, взрослым. Анна вдруг увидела, как часто по привычке разговаривает с ним как с 15-летним мальчиком, который забыл форму на физкультуру. Никита давно жил отдельно, сам платил за квартиру, строил отношения, принимал решения. Страх не давал ей права отнимать это.

– Тогда 20 минут, – сказала она. – Мне нужно объяснить.

Они вышли к каналу. Вода была почти чёрной, хотя небо оставалось светлым. По мосту с металлическим грохотом прошёл трамвай. Анна рассказала всё, кроме слов Глеба о прошлом. Никита слушал без шуток, только один раз попросил показать негатив. Когда она закончила, он долго смотрел на собственную фотографию.

– Допустим, это не твой провал, – сказал он. – Допустим, человек реально был. Почему я?

– Не знаю.

– Ты же понимаешь, как это звучит?

– Да.

– И всё равно веришь тому мужику из архива?

– Я верю изменениям на снимках.

– Это профессиональная деформация.

– А ты веришь звуку, если не видишь источник.

– Если могу записать и повторить.

– На твоём голосовом исчезло имя.

Никита открыл запись. Шорох на месте имени услышал и он. Перемотал, проверил другие сообщения. В 3 последних имя сохранилось. Только в записи с репетиции – провал.

– Может, шумоподавление.

– Оно не вырезает одно слово.

– Хорошо. – Он провёл ладонью по лицу. – Что предлагает твой архивный псих?

– Найти якорь и приехать к нему в 9.

– Я еду с тобой.

– Он сказал не приводить тебя.

– Тогда особенно еду.

– Никит.

– Ты только что признала, что забыла про мой переезд. И хочешь одна идти ночью к человеку, который знает о твоей травме больше тебя. Нет.

– Я не одна. Позову Артёма.

– Артём может собрать шкаф и выбрать вино по красивой этикетке. В вопросах тайной организации это слабая квалификация.

Анна почти улыбнулась. Почти – потому что на секунду не смогла вспомнить, какое вино Артём всегда покупал. Белое? Красное? Пустяк, но внутри открылось знакомое белое место.

– Ты записываешь свои провалы? – спросила она.

Никита отвёл взгляд к воде.

– Какие провалы?

– Ты слишком быстро поверил.

Он постучал пальцами по перилам. Ритм был неровным: 3 коротких удара, пауза, 2 длинных.

– Неделю назад я забыл дорогу в аппаратную, – сказал он.

– Стоял у служебного входа и не понимал, куда идти. Я работаю там 4 года. Потом отпустило.

– Почему молчал?

– Потому что у тебя самой с памятью беда. Я не хотел, чтобы ты решила, будто это наследственное и мы оба разваливаемся.

– Ещё что?

– Проснулся у Милы и не узнал комнату. Секунд 10. Забыл имя режиссёра прямо во время прогона. А вчера нашёл в телефоне 7 голосовых самому себе.

– Что в них?

– Напоминания. Некоторые я не помню, как записывал.

Анна протянула руку. Никита не отдал телефон.

– Сначала дома. Там нормальные колонки.

Его квартира находилась в новом районе за Старой заставой, в 20 минутах на такси. Мила собирала вещи в прихожей – невысокая женщина с короткими волосами и краской на пальцах. Она занималась сценографией и смотрела на Анну без обычной улыбки.

– Он тебе рассказал? – спросила Мила.

– Частично.

– Тогда послушай запись № 5.

Никита нахмурился.

– Ты лазила в телефон?

– Ты сам прислал её ночью.

Они прошли в комнату. На столе стояли студийные мониторы, рекордеры и старая кассетная дека. Никита подключил телефон. В первой записи его голос звучал бодро: «Если я снова забуду, ключи от новой квартиры у Милы. Мы переезжаем в Казань в сентябре, потому что мне предложили работу в студии документального кино».

Анна села.

– В Казань?

– Я собирался сказать после подписания договора.

– Ты сказал 2 недели назад, – напомнила Мила.

Никита выключил запись.

– Я не помню.

Вторая запись содержала список имён. Третья – описание квартиры. Четвёртая – детские воспоминания: как они с Анной прятались под столом во время грозы, как она украла для него персики с соседской дачи, как после смерти матери обещала, что никуда не уйдёт. На пятой сначала был только шум. Потом Никита заговорил шёпотом: «Если услышишь барабан – не ищи источник. Не смотри в отражение. Там человек, которого нет рядом».

Под голосом шёл низкий механический гул. 3 коротких

оборота. Пауза. 2 длинных.

Тот же ритм, который Никита выбивал на перилах.

– Где ты это записал? – спросила Анна.

– Не знаю.

– Время – 3:17, – сказала Мила. – Он был здесь. Я проснулась, когда он ходил по кухне. В доме ничего не гудело.

В конце записи возник второй голос. Женский, далёкий, будто с повреждённой плёнки. Он напевал 4 ноты.

Никита побледнел.

– Я знаю эту мелодию.

– Откуда? – спросила Анна.

– Не знаю. Весь день крутится в голове.

Мила принесла из кладовой картонную коробку. Внутри были школьные тетради, игрушечный микрофон, медали и маленький камертон в потёртом футляре.

– Это твоё? – спросила Анна.

Никита взял камертон.

– Ты подарила на 10-летие. Потому что я стучал ложкой по батарее и утверждал, что она фальшивит.

– Я этого не помню.

– А я помню.

Он ударил камертон о ладонь. Чистый звук заполнил комнату.

В зеркале над комодом отражались Анна, Мила и коробка. Никиты не было. Анна резко повернулась. Он стоял рядом, держа звучащий камертон. Мила посмотрела в зеркало

и закричала.

Изображение Никиты появилось постепенно – сначала футболка, потом руки, затем лицо. Светлая дуга у виска стала шире. Камертон перестал звучать. На экране телефона имя файла пятой записи изменилось. Вместо «Никита_память_5» осталось «память_5».

– Мы едем сейчас, – сказала Анна.

Перед поездкой к Архиву Никита настоял, чтобы они проверили ещё одну вещь. Он заперся в ванной, включил воду и попросил Милу записать, что происходит с его голосом за закрытой дверью. Если проблема была в телефоне или конкретном приложении, автономный рекордер должен был сохранить имя.

– Никита Андреевич Светлов, – произнёс он 5 раз. – Родился 9 февраля. Сестра Анна. Работаю звукорежиссёром.

На воспроизведении первые 2 раза имя осталось. В 3-м исчезла фамилия. В 4-м – всё имя. В 5-м звучало: «...родился 9 февраля».

– Процесс ускоряется при повторении, – сказал Никита. – Будто запись учится удалять.

Анна вспомнила слова Глеба о путях. Чем больше копий, тем больше поверхностей для стирания.

Мила достала бумагу и попросила Никиту написать полное имя. Он написал без труда. Через минуту первая буква фамилии побледнела. Тогда Мила прижала ладонь поверх строки и сказала:

– Это имя человека, которого я люблю.

Буква вернулась.

Никита смотрел на неё так, будто это признание было новым, хотя они жили вместе почти 2 года. Анна отвернулась, давая им частное пространство, и одновременно поняла, что забыла день их знакомства. Раньше Никита рассказывал смешную историю – пролитая краска, неработающий микрофон. Теперь оставались детали без порядка.

– Расскажи снова, – попросила она Милу.

– Сейчас?

– Да. Пока я знаю, зачем спрашиваю.

Мила рассказала. Никита поправлял её, спорил о цвете краски, смеялся. Анна записала историю от руки. Не для контроля – чтобы сохранить свидетельство 2 людей, пока оба помнили. Они собрали дорожную коробку якорей: камертон, кассету, детскую фотографию, билет с первого спектакля Никиты, ключ от квартиры Милы. Каждый предмет подписали не только названием, но и связью: «Ключ – решение жить вместе, принято обоими». Анна впервые увидела, насколько память похожа на архив и насколько архив отличается от жизни: предмет сам по себе ничего не значил без рассказа.

Никита сделал 1 последнее голосовое: «Если я начну говорить чужими словами, спросите, хочу ли я продолжать. Не считайте любой голос во мне мной».

– Мрачновато, – сказал он, слушая.

– Точно, – ответила Мила.

– Можно записать нормальное прощание?

– Это не прощание.

– Тогда нормальную инструкцию на случай мистической поломки.

Он добавил: «И не позволяйте Анне командовать всеми, потому что она старшая на 4 года».

– На 4 года и 7 месяцев, – поправила Анна.

– Вот. Уже началось.

Смех получился настоящим. После него на несколько минут отражение Никиты в зеркале стабилизировалось. Анна заметила это и не сказала сразу, чтобы не превращать каждую эмоцию в эксперимент. В такси Никита держал камертон на коленях. Мила поехала рядом, хотя боялась. Анна сидела впереди и смотрела на город. Знакомые улицы казались смещёнными на несколько сантиметров: вывеска аптеки висела не там, трамвай поворачивал слишком рано, на месте сквера будто всегда был дом. Она не знала, меняется ли Невенск или её память.

У водопроводной станции водитель спросил:

– Здесь точно есть адрес? Навигатор показывает реку.

– Есть, – сказала Анна.

Когда они вышли, машина уехала, а следом исчезла точка поездки из приложения. Мила успела переписать номер автомобиля на бумагу.

– Я начинаю любить карандаши, – сказала она.

– В Архиве вам понравится, – ответил Никита. – Судя по описанию, там весь ужас держится на канцелярии.

До 9 вечера оставалось 2 часа.

Глава 5. Дом под рекой

Адрес на Клинской набережной привёл их к закрытому павильону старой водопроводной станции. На воротах висела табличка «Аварийное здание», датированная прошлым годом. Под ней проступала старая эмаль: «Городская фотографическая лаборатория № 4». Буквы были видны только после дождя. Анна провела пальцем по металлу. В голове мелькнуло не воспоминание, а знание движения: поднять защёлку, потянуть нижний край, не касаться медной пластины. Она отдёрнула руку.

– Вы здесь работали? – спросил Глеб.

– Я не помню.

– Тело может сохранять последовательность.

– Вы слишком быстро находите объяснение каждому странному ощущению.

– Потому что видел это раньше.

– У меня?

Он не ответил.

Анна подняла камеру и сняла ворота. На дисплее табличка читалась полностью, а рядом стояла она сама в рабочем халате. Реальная Анна была за камерой. На следующем кадре фигура исчезла, но в руке у неё остался ключ. Глеб проверил карман и достал точно такой же – длинный, с 3 насечками.

– Откуда он у вас?

– Хранился в деле пожара.

– Почему подходит к месту, которое официально водопроводная станция?

– Потому что официальное назначение изменили после закрытия.

Анна взяла ключ только после того, как Глеб положил его на камень и отступил. Металл оказался тёплым, как предмет, который держали секунду назад. Серый дом стоял ниже уровня улицы, между гранитной стеной канала и двором бывшего монетного завода. Окна были заложены кирпичом. Над дверью висела табличка «Городское хранилище технической документации».

– У тайных организаций всегда проблемы с брендингом, – сказал Никита.

Шутка получилась слабой. Он держал камертон в кармане и каждые несколько минут проверял, на месте ли футляр. Анна написала Артёму адрес и попросила позвонить, если она не выйдет через 2 часа. Он ответил сразу: «Я уже еду». Она велела остановиться у набережной и не входить без звонка.

Глеб открыл дверь раньше, чем они нажали кнопку.

– Я просил не приводить его.

– А я просил объяснить, кто вы, – ответила Анна. – Мы оба разочарованы.

Он посмотрел на Никиту, затем на Милу.

– Здесь ей нельзя оставаться.

– Я никуда не уйду, – сказала Мила.

– Если начнётся коррекция, вы первой перестанете помнить, зачем пришли. Это опасно и для вас, и для него.

– Что за коррекция?

– Ослабление связей. Оно уже действует рядом с Никитой. Мила сжала его руку.

– Тогда я тем более останусь.

Из глубины коридора появилась женщина в тёмно-зелёном свитере. Короткие волосы, очки на цепочке, связка ключей у пояса. Она оценила всех одним взглядом.

– Северин, у тебя талант превращать инструкцию в пожелание. Зорина ждёт. Девушку оформим как внешний якорь, раз уж привели.

– Софья Ремезова, – представил Глеб. – Специалист по документам.

– По документам, которые имеют дурную привычку переписывать себя, – уточнила Софья. – Телефоны в ящик. Умные часы тоже. Всё, что синхронизируется с облаком, оставляем здесь.

– Почему? – спросил Никита.

– Потому что облако не умеет хранить тех, кого не существует.

Они спустились по винтовой лестнице. С каждым пролётом гул воды становился сильнее. Анна насчитала 4 уровня, хотя снаружи здание выглядело одноэтажным. На стенах ви-

сели латунные таблички: «Свидетельства», «Изображения», «Голоса», «Предметные фонды». Внизу открылся длинный зал с металлическими шкафами. Между рядами горели зелёные лампы. Влажный воздух пах бумагой, железом и чем-то химическим – не свежей фотолабораторией, а старым фиксацией, въевшимся в камень.

Анна остановилась.

– Я была здесь.

Глеб повернулся к ней.

– Что именно вспомнили?

– Ничего. Ноги знают дорогу.

Она действительно знала, что за следующим поворотом будет низкая балка, а справа – дверь с тугим замком. Обошла балку до того, как увидела её.

Софья заметила это и поджала губы.

– Прекрасно. Только этого не хватало.

– Чего? – спросила Анна.

– Возвратной реакции.

Глеб открыл дверь в небольшую комнату. За столом сидела Елена Зорина – женщина лет 50 с прямой спиной и серебряной прядью у лица. Перед ней лежали 3 карточки и старый диктофон.

– Анна Светлова, – сказала она. – Никита Светлов. Мила Орлова. Садитесь.

– Вы меня тоже знаете, – ответила Анна.

– Я подписывала ваше увольнение.

– Я не работала в городском архиве.

– Не в городском.

Зорина нажала кнопку диктофона.

– Архив истинных имён существует 117 лет. Мы сохраняем доказательства людей, мест и событий, которые могут исчезнуть из общей памяти. То, что вы видели на фотографиях, называется истончением следа. Внешняя причина удаляет части истинного имени – не паспортного, а того, что складывается из опыта, привязанностей и решений.

– Вы репетировали эту речь? – спросил Никита.

– За 22 года она менялась 8 раз. Сейчас версия краткая.

– Кто удаляет меня?

– Пока не установлено.

– А зачем?

– Тоже.

Никита встал.

– Спасибо за краткую версию.

Анна удержала его за рукав.

До проверки Никиты Зорина провела их через малый зал свидетельств. Не экскурсия – предупреждение. За стеклом лежали вещи, которые выглядели бытовыми: детская варежка, ключ, концертный билет, пустой флакон духов. На карточках были имена, но некоторые строки заканчивались пробелом.

– Это люди, которых вернули? – спросила Мила.

– Которых удерживали, – ответила Зорина. – Возврат и

сохранение не одно и то же.

У первой витрины стояла женщина лет 40 и повторяла имя мужа, глядя на карманные часы. Каждый раз произносила чуть иначе. Софья объяснила: мужчина достиг 3-й стадии, часы удерживают связь, но жена уже не уверена в тембре его голоса. Архив записывает её свидетельство каждые 2 часа, чтобы сравнивать изменения.

– А он где? – спросил Никита.

– В комнате выше.

– И вы лечите?

– Мы не врачи.

– Тогда что делаете?

Зорина ответила:

– Не даём миру окончательно решить, что его не было.

Фраза могла бы звучать благородно, если бы рядом не стояла Софья с выражением человека, знающего цену. Она показала другую карточку. Там было написано: «Субъект просил не сохранять». Вещь всё равно лежала в витрине – дешёвая зажигалка.

– Почему не выполнили просьбу? – спросила Анна.

– Потому что исчезновение затрагивало 3 детей, – сказала Зорина. – Их право помнить вступило в конфликт с его правом быть забытым.

– Кто решил, чьё право важнее?

– Мы.

– Удобная должность.

– Нет. Удобной она кажется только снаружи.

Зорина не пыталась понравиться. Это вызывало больше доверия, чем оправдания, и одновременно тревожило. У дальнего шкафа Анна заметила стеклянную пластину с портретом мальчика. Лицо было цело, но на обороте кто-то написал: «Не открывать до 2041 года по просьбе владельца». Она спросила, почему срок.

– Он хотел, чтобы мать успела умереть и не получила назад воспоминание о том, что сделала, – ответила Софья.

– А что она сделала?

– Не ваше дело.

– Именно. Но вы всё равно храните.

Софья посмотрела на Анну резче.

– 8 лет назад вы говорили то же. Потом открыли объект без разрешения, потому что решили, что общая безопасность важнее частного отказа.

– Я?

– Софья, – сказал Глеб.

– Она должна понимать: у нас нет чистых рук.

Анна почувствовала, как Никита подходит ближе. Он не пытался защитить, просто давал знать, что рядом.

– Я открыла объект? – спросила она.

– По приказу Маркелова. Позже пытались закрыть. Оба факта правдивы.

Зорина прервала:

– Прошлого Анны не обсуждаем до стабилизации.

– Ваш любимый порядок: сначала решить, потом сообщить, – сказала Софья.

Анна поняла, что единой позиции здесь нет. Люди вокруг годами выбирали между плохими вариантами и слишком легко привыкали называть свой выбор необходимостью.

– Покажите, что вы можете сделать.

Зорина посмотрела на Глеба.

– Первичная проверка.

В комнате проверки Никита попросил провести контроль на Миле и Анне: он хотел знать, не влияет ли близость на восприятие. Глеб показывал им по 10 карточек с именами знакомых, перемешивая с пустыми. Мила безошибочно узнала 9, Анна – 8. На карточке Никиты обе задержались.

– Имя знакомо, – сказала Анна. – Но на секунду показалось чужим.

Никита выругался тихо.

– Значит, уже действует на тебя.

– На всех, – ответил Глеб. – Разная скорость.

– А на вас?

Глеб посмотрел на имя.

– Я удерживаю по служебной технике.

Софья фыркнула.

– Он удерживает, потому что Анна удерживает. Не выдавай связь за квалификацию.

Анна повернулась к нему. Глеб не стал отрицать. Она запомнила его молчание. Софья положила на стол чёрную

ткань. Никиту попросили поставить на неё камертон и назвать 5 связанных с ним воспоминаний. Он перечислил подарок Анны, школьный концерт, первую запись уличного музыканта, ссору с отцом и вечер после похорон матери, когда звук камертона помог ему уснуть.

– Последнее неправда, – сказала Анна.

– Почему?

– Отец умер раньше матери. Камертона тогда ещё не было.

Никита нахмурился.

– Я помню его на кухне. Ты держала футляр.

– Тебе было 9. Я подарила его в 10.

Софья записала расхождение.

– Чужая вставка, – сказала она. – Небольшая.

– Что значит «чужая»? – спросила Мила.

– При изъятии память редко уходит чисто. На её место может попасть фрагмент другого человека.

– Откуда?

– От предыдущей цели.

Никита достал телефон, забыв, что оставил его наверху, и несколько секунд смотрел на пустую ладонь. Глеб поставил камертон в стеклянный цилиндр. Внутри находилась фотобумага, закреплённая по кругу. Он выключил свет, оставив красную лампу, ударил камертон и закрыл крышку. Звук затихал медленно. На бумаге начали проступать серые линии – не изображение, а плотные кольца, похожие на годовые. Одно кольцо было разорвано.

– Вторая стадия началась, – сказал Глеб. – Записи уже меняются.

– Сколько времени до третьей? – спросила Анна.

– От нескольких часов до недели.

– Очень полезный диапазон.

– Точнее нельзя.

Софья сняла бумагу и опустила в фиксаж. Анна подошла ближе. В месте разрыва эмульсия образовала знакомый серп.

– Такой же дефект был на негативе.

– Покажите, – сказала Зорина.

Анна открыла футляр, но пластину не отдала. Глеб установил переносной боковой свет. На снимке осталось 6 человек. Возле пустого края серповидная метка потемнела.

Софья сверилась с карточкой.

– Воронцов, Павел Аркадьевич. Дело 312-К. Стадия 4 завершена в 2020 году. Якорь не найден.

– Он приходил ко мне вчера.

– Не он, – сказала Зорина. – Остаточный след. Иногда якорь пытается достичь человека, который способен его увидеть.

– Негатив выбрал меня?

– Не романтизируйте. Скорее, вас выбрал тот, кто направил след.

– Никита связан с Воронцовым?

– Мы проверим.

Зорина взяла карточку дела. Текст на ней начал бледнеть.

Софья быстро обвела строки карандашом, но исчезли и они.

– Рукописное держится дольше, – объяснила она. – Не всегда достаточно долго.

Анна смотрела, как сведения о человеке уходят с бумаги. Дата рождения, адрес, описание исчезновения. Осталась одна строка: «Пожар на Кожевенном спуске, 2018».

– Почему она сохранилась?

Софья и Глеб обменялись взглядом.

– Потому что связана с вами, – ответила Зорина.

– Что произошло 8 лет назад?

– Авария в экспериментальном отделе.

– Я там была.

– Да.

– Чем занималась?

– Восстановлением повреждённых изображений.

Анна положила ладонь на стол.

– Не лгите мне так лениво. У меня от этого ощущение, что вы не уважаете ни меня, ни собственную профессию.

Зорина чуть наклонила голову.

– Вы участвовали в исследовании следа памяти. После аварии добровольно прошли процедуру удаления воспоминаний об Архиве. Подробности закрыты вашим же распоряжением.

– Моим?

– Вы написали отказ от восстановления.

Глеб отвернулся к цилиндру.

– Где этот документ?

– В защищённом фонде.

– Я хочу его увидеть.

– Пока нельзя.

– Почему?

– Возвращение памяти может активировать то, что вы остановили.

– А мой брат исчезает потому, что вы 8 лет что-то «остановили»?

Зорина не ответила.

В тишине раздался удар камертона. Никто его не касался. Бумага внутри цилиндра почернела. На ней проступил силуэт девочки лет 12. В руках она держала медную брошь в форме ласточки.

– Лида, – сказал Глеб.

Имя сорвалось у него непроизвольно.

Анна почувствовала боль под глазом. Девочка на бумаге повернула голову.

– Папа обещал, – произнесла она голосом из записи Никиты.

Мила вцепилась в его плечо. Никита пошатнулся.

– Я не помню, кто она, – сказал он. – Но я помню, как она умерла.

Софья вытащила лист из цилиндра. Изображение не исчезло.

Зорина поднялась.

– Закрывать уровень. Никиту в защитную комнату.

– Нет, – сказал он.

– Это не просьба.

– Тогда объясните, почему я храню память мёртвой девочки.

Свет погас.

В темноте кто-то произнёс полное имя Анны – медленно, по слогам, так, как не называл её никто из присутствующих. Анна Андреевна Светлова. Голос доносился из-за двери с тугим замком, которую она помнила раньше, чем увидела.

Глава 6. То, что он помнил

Глеб узнал голос сразу. Он слышал его во сне столько раз, что научился просыпаться до последней фразы. В действительности запись звучала иначе: без той мягкости, которую память добавляла позже, с лёгкой хрипотцой после бессонной ночи. Прежняя Анна говорила быстро, будто боялась, что решение успеют отменить.

«Контрольный образец. Анна Андреевна Светлова. 31 мая. Я понимаю назначение записи и запрещаю использовать её для восстановления личности без отдельного согласия».

Дата не совпадала с реестром: контрольный образец в нём значился 2 июня.

– Кто изменил число? – спросил Глеб.

Зорина проверила карточку фонда.

– В реестре 2 июня.

– Она назвала 31 мая.

Софья поднесла ухо к двери.

– Возможно, это другая запись.

Глеб помнил только одну. Он сам ставил пластину на запись перед процедурой, и Анна назвала правильную дату. Если голос сейчас произносил другую, либо его память была повреждена, либо объект менялся. За дверью запись продолжилась: «Если дата не совпадает, не исправляйте её автоматически. Проверьте, кто получил доступ между 31 мая и

2 июня».

Анна прошлого оставила ловушку для человека, который станет считать собственную память надёжнее документа.

– Журнал доступа, – сказал Глеб.

Софья открыла бумажную книгу. Между страницами за 1 и 3 июня отсутствовал лист. Корешок сохранял обрывок, на котором виднелась половина подписи: разорванная буква «М».

– Маркелов приходил до пожара, – произнесла она.

– Или хотел, чтобы мы так решили, – ответил Глеб.

Он заставил себя добавить сомнение, хотя всё внутри уже узнало почерк наставника. Анна всегда говорила, что честное расследование начинается с версии, которая неприятна следователю. Теперь неприятной была вероятность, что Глеб не помнит 2 дня собственной жизни. Не Маркелов. Не запись Лидии. Голос принадлежал Анне – той, прежней, сохранённой на восковой пластине за дверью фонда «Ноль». Она произнесла собственное имя 8 лет назад, перед процедурой, чтобы у Архива остался контрольный образец.

Образец не должен был звучать.

– Резервное питание, – приказала Зорина.

Включились аварийные лампы. Анна стояла у двери и прижимала пальцы к виску. Глеб сделал шаг к ней, остановился. За день он уже слишком часто едва не коснулся её без разрешения. Тело помнило движения быстрее рассудка: поддержать под локоть, закрыть собой от света, убрать прядь

с лица. Каждая привычка теперь выглядела как доказательство, которое он прятал.

Софья проверила замок.

– Пломба цела. Внутри никто не включал проигрыватель.

– Там нет проигрывателя, – сказал Глеб.

Анна слышала.

– Что за дверью?

– Объект, связанный с аварией.

– Мой?

Он мог бы солгать. Зорина ждала именно этого: короткого отрицания, достаточного, чтобы вывести Анну с уровня. 8 лет назад Глеб согласился бы. Он называл ложь защитой, пока не перестал различать слова.

– Да, – ответил он.

Зорина посмотрела на него холодно.

– Северин.

– Она всё равно узнает.

– Не сейчас.

– А когда? После исчезновения брата?

Анна перевела взгляд с одного на другую.

– Откройте.

– Нет, – сказала Зорина. – Возвращение сохранённого фрагмента может сделать вас проводником.

– А голос может включаться сам?

– Раньше не мог.

Никита сел на край стола. Его лицо оставалось обыч-

ным, но Глеб видел истончение иначе – как ошибку внимания. Взгляд постоянно соскальзывал с молодого человека на предметы вокруг. Если не заставлять себя, можно было забыть, что он находится в комнате.

– Меня кто-нибудь собирается спасать? – спросил Никита. – Или у вас семейная ссора учреждения?

– Защитная комната снизит скорость стирания, – сказал Глеб.

– Насколько?

– Неизвестно.

– Ваши ответы внушают доверие.

Глеб понимал его раздражение. Защитные комнаты помогали в 6 случаях из 10; в 2 не меняли ничего; ещё в 2 ускоряли процесс, потому что изоляция ослабляла живые связи. Архив не любил произносить статистику вслух.

– Мила останется рядом, – сказал он. – Она будет рассказывать общие воспоминания и фиксировать изменения от руки.

– Почему не Анна?

– Потому что Анне нужно найти источник.

– А ей это кто разрешил?

– Никто.

Анна посмотрела на Глеба. На секунду в её лице появилась прежняя насмешка – почти незаметная складка у носа, возникавшая, когда он отвечал слишком прямолинейно. Он знал, что она сейчас скажет: «Наконец-то честная формули-

ровка». Но новая Анна промолчала. Глеб отвёл взгляд.

Софья вывела Никиту и Милу. Анна пошла следом, одна-ко у лестницы остановилась.

– Вы помните меня, – сказала она.

Не вопрос.

Глеб почувствовал, как Зорина за его спиной становится неподвижной.

– Да.

– Насколько хорошо?

Он видел мокрые волосы на её шее в ночь пожара. Чашку с трещиной, из которой она пила кофе. Смешную привычку проверять дверцу холодильника после того, как свет уже погас. Первый поцелуй на служебной лестнице, где пахло известью. Последний – за 40 минут до того, как Анна попросила уничтожить память о нём.

– Достаточно, чтобы понимать риск.

– Это не ответ.

– Другой сейчас навредит вам.

– Значит, вы всё ещё решаете за меня.

Слова попали точно. Глеб не нашёл защиты.

– Да, – сказал он. – Пока да.

Она кивнула, будто получила важное подтверждение, и поднялась вверх.

Зорина закрыла дверь фонда и повернулась к Глебу.

– Ты собираешься рассказать ей о вас? – спросила она.

– Когда риск позволит.

– Риск никогда не позволит. Для этого он удобен.

Глеб не ожидал упрёка именно от Зориной. Она 8 лет подписывала запреты на контакт и требовала считать Анну объектом наблюдения.

– Вы предлагаете нарушить собственный протокол?

– Я спрашиваю, понимаешь ли ты, что молчание тоже воздействует на её решения. Она видит твою реакцию, замечает привычки, но не знает причины. Ты создаёшь загадку, в которой сам контролируешь ответ.

– Если сказать сейчас, воспоминания могут вернуться каскадом.

– Тогда сообщи границы неизвестности. Не историю целиком. Например: «Мы были близки, я участвовал в удалении, полное восстановление опасно».

– Этого достаточно, чтобы она потребовала всё.

– Имеет право потребовать. Ты имеешь право объяснить последствия и отказаться проводить процедуру без подготовки.

Глеб посмотрел на дверь, за которой звучал голос прежней Анны.

– Вы говорите так, будто сами верите в её право выбора.

– Я верю в теории. На практике обычно выбираю город.

– Город не просил вас выбирать за него.

– Города вообще редко формулируют просьбы. Они просто потом живут с нашими решениями.

Зорина открыла служебный журнал и добавила запись:

«Светлова уведоmlена о наличии личной связи с сотрудником Северином. Детали отложены по причине угрозы активации. Решение подлежит пересмотру каждые 6 часов».

Раньше такие отсрочки не имели срока. Они превращались в годы.

– Через 6 часов, – сказала она, – либо расскажешь больше, либо письменно объяснишь, почему снова нет.

Глеб подписал. В тот момент он ещё думал, что время можно разделить на безопасные отрезки и тем самым избежать главного выбора.

– Ты нарушил режим секретности 4 раза за 2 часа.

– Считал 3.

– Признание знакомства, подтверждение объекта, информация о проводнике и статистика, которую ты почти назвал.

– Последнее не нарушение, а намерение.

– Не остри.

– Я не острою.

Зорина устало сняла очки.

– Ты не можешь вести это дело.

– Другого сотрудника она не подпустит.

– Тебя подпустит, пока не узнает правду.

– Поэтому должна узнать от меня.

– После стабилизации.

– 8 лет назад мы тоже ждали подходящего момента.

Зорина положила ладонь на дверь фонда.

– 8 лет назад твоя неспособность выполнить процедуру до

конца оставила нам живой канал к установке Маркелова.

– И сохранила Anne личность.

– Это неизвестно. Возможно, именно твой фрагмент позволил ему вернуться.

Глеб смотрел на латунную табличку «Ноль». За дверью хранились контактный отпечаток их ладоней, восковая запись имени Анны, её письмо и 17 минут памяти, которые он должен был уничтожить. Он спрятал их под видом контрольного объекта, подделал 2 подписи и 8 лет приходил проверять пломбу по понедельникам.

– Голос включился, когда Никита принёс память Лидии, – сказал он. – Канал активирован с другой стороны. Не объектом.

– Тем хуже.

– Маркелов собирает её заново.

Зорина не возразила. Значит, думала о том же.

– Воронцов был связан с пожаром, – продолжил Глеб. – Никита получает чужие фрагменты. Следующий шаг – найти остальных из списка.

– Список закрыт.

– Уже нет. Карточка Воронцова изменилась.

– Совет не разрешит поднимать дело.

– Тогда обойдём совет.

– «Мы»?

– Ты можешь остановить меня.

Зорина посмотрела на него долгим взглядом.

– Могу. Но не стану. Пока.

Она достала ключ из цепочки и протянула ему.

– Фонд аварийных свидетельств. 30 минут. Софью не посвящать.

– Она всё равно узнает.

– Тогда пусть у неё будет возможность честно сказать, что я не разрешала.

Глеб взял ключ.

– Почему помогаешь?

– Потому что 8 лет назад я выбрала Архив. Иногда правильное решение выглядит хуже неправильного только потому, что ты прожил с ним достаточно долго.

Наверху хлопнула дверь. Анна уходила.

Глеб поднялся следом и увидел её через стекло вестибюля. Она стояла на набережной рядом с Артёмом. Тот накинул ей на плечи куртку и что-то говорил, размахивая руками. Анна не слушала. Смотрела на чёрную воду.

Глеб вспомнил, как однажды она призналась, что боится не смерти, а момента, когда близкие перестанут точно помнить её голос. Тогда он сказал, что будет помнить за всех. Самоуверенное обещание человека, ещё не знавшего цену памяти. В кармане завибрировал служебный жетон. На экране появилась строка: «Объект Ноль: изменение состава».

Глеб вернулся к двери фонда. Пломба оставалась целой. После ухода Анны Глеб просмотрел запись её появления в Архиве. На камере она шла по коридору, заранее обходила

балку, касалась стены в месте, где раньше висела схема эвакуации. Возвратная память проявлялась в моторике быстрее образов. Маркелов рассчитывал на это: тело приводило Анну к установке, даже когда разум отказывался.

Глеб открыл старый журнал наблюдений. Первые 2 года после «Тишины» он записывал всё: приступы, повторяющиеся сны, случайные фотографии красных дверей. Потом Зорина запретила личное наблюдение, и он перешёл на редкие отчёты системы. Запрет был справедливым. Он всё равно находил причины проверить.

В 2023 году Анна открыла «Светотень». Глеб увидел вывеску в городской базе разрешений и 3 дня ходил по противоположной набережной, не приближаясь. Однажды она вышла с чашкой кофе, засмеялась словам Артёма и не посмотрела в его сторону. Он испытал облегчение – и ревность к жизни, где его не было. После этого не приходил год.

Теперь объект вернул его без её приглашения. На столе лежала карточка Никиты. Под именем проступила строка «Хранитель исходной связи». Глеб сравнил с записью 8-летней давности. Тогда Маркелов говорил, что для закрепления Лидии не хватает «безусловного выбора ребёнка». Никита был 19-летним, когда произошёл пожар, но нужное воспоминание относилось к детству. Маркелов мог знать о нём только через Анну.

Глеб открыл архив её сеансов. В одном протоколе молодая Анна рассказывала о брате: после смерти матери он спросил,

уйдёт ли она тоже. Анна ответила, что останется, и потом боялась всю жизнь нарушить обещание. Маркелов пометил фрагмент как «высокая устойчивость». Злость на наставника пришла поздно. В 2018 году Глеб считал записи исследованием. Только после пожара понял, что Маркелов собирал карту близких людей задолго до эксперимента.

Он позвонил в театр Никиты под видом проверки технического оборудования. Режиссёр помнил звукорежиссёра, но не мог назвать фамилию. Через 5 минут перезвонил и спросил, о ком шла речь. 3-я стадия приближалась быстрее прогноза. Глеб составил новый план: найти 7 жертв, сравнить типы изъятий, определить, какой элемент нужен от Никиты. Он не включил Анну как ресурс. Впервые написал её имя в графе «лицо, принимающее решения».

Зорина увидела документ.

– Это красивый жест, – сказала она. – Но если её решение откроет канал, ты остановишь?

– Только если угроза будет немедленной и она не сможет ответить.

– Значит, всё равно оставляешь себе исключение.

– Любая экстренная помощь содержит исключение.

– Именно так начинается власть.

Он знал. Профессиональные правила не избавляли от соблазна назвать страх экстренной ситуацией. Софья принесла бумажный пакет с копией почерка Маркелова. Разорванная буква «М» совпадала с подписью на старых карточках.

– Если он жив, почему ждал 8 лет? – спросила она.

– Канал был слабым.

– Что изменилось?

Глеб посмотрел на дверь фонда «Ноль».

– Анна снова начала работать с пластинами из «Северного света». Или кто-то нашёл способ направить их к ней.

– Ты сохранил её фрагмент. Не говори «кто-то» так, будто твоя часть отсутствует.

– Не отсутствует.

Софья смягчилась на долю секунды.

– Тогда не пытайся искупить нарушением следующего правила.

– Какого?

– Не превращать спасение Никиты в способ заслужить прощение Анны.

Глеб записал и это. Некоторые якоря приходилось создавать против собственных удобных мотивов.

За ней снова прозвучал голос Анны:

– Глеб, если ты это слышишь, значит, ты опять сделал не то, о чём я просила.

Глава 7. Якорь

Защитная комната оказалась меньше гостиничного номера. Никита сразу переставил кресла. Одно у двери, другое к окну, кровать вдоль стены. Сотрудник возмутился: схема помещения была рассчитана так, чтобы предметы не образовывали замкнутый контур.

– А человек рассчитан на то, чтобы сидеть по вашей схеме? – спросил Никита.

После короткого спора Зорина разрешила оставить мебель. Это был мелкий выбор, но Никита заметно выпрямился. Он подписал каждый якорь сам. На школьном значке написал: «Ненавидел носить, но Анна пришивала». На кассете: «Первая запись с Милой, мы тогда поссорились». На камертоне: «Рабочий инструмент, не символ души».

– Почему так подробно? – спросила Мила.

– Чтобы после меня никто не сделал красивую выставку.

Анна слышала и предложила записать видео. Никита отказался от камеры, выбрал аналоговый магнитофон.

– Лицо может исчезнуть раньше голоса. И я не хочу смотреть на себя, если начну забывать.

Он назвал планы: закончить спектакль, принять или отклонить предложение в Казани, вернуть Артёму отвёртку. О Миле сказал: «Мы вместе, но это не значит, что она обязана помнить за двоих». Мила отвернулась к окну. Никита взял

её за руку только после того, как она сама разжала пальцы. Анна впервые увидела, как брат готовится не умереть, а сохранить право оставаться сложным человеком даже в чужой памяти.

Когда Никита уснул, Глеб пришёл проверить защитный контур. Он снял пиджак, закатал рукава и сам переставил медные пластины вокруг двери. Анна наблюдала, как уверенно он работает руками, и раздражённо отметила не только точность движений. Ей хотелось подойти ближе, хотя причина доверять ему всё ещё отсутствовала.

– Вы всегда делаете это сами? – спросила она.

– Когда не уверен в схеме.

– А в людях?

– Там ручная проверка хуже работает.

Он протянул ей изолированную пластину. Их пальцы коснулись. Анна узнала прикосновение раньше, чем успела испугаться: не конкретное воспоминание, а привычное отсутствие необходимости отдёргивать руку. Тело вело себя так, будто между ними уже существовало разрешение.

Она отпустила металл.

– Что случилось? – спросил Глеб.

– Ничего, что вы можете объяснить вместо меня.

Он принял границу и вернулся к контуру. Именно это усилило притяжение сильнее случайного касания: человек, который явно знал её ближе, чем признавал, не воспользовался реакцией как аргументом. Анна подошла к окну. В тёмном

стекле они отражались рядом. На секунду отражение показало её ладонь на его шее и его лицо, склонённое к ней. В реальности между ними оставалось 2 метра.

Она сфотографировала стекло. На снимке остался только нынешний момент – Глеб у двери, Анна у окна. Но на его запястье виднелась тонкая золотая линия, заканчивавшаяся у её пальцев.

– Это якорь? – спросила она.

– Возможно.

– Любой контакт со мной для вас «возможно»?

– Нет. Некоторые вещи я знаю точно и не имею права сообщать без подготовки.

– Очень удобно.

– Очень трусливо, – сказал он.

Первое прямое признание собственной слабости лишило Анну готового ответа. Она сохранила фотографию и не показала ему. Белые стены, 2 кресла, стол, кровать и ни одного зеркала. На полках стояли предметы, которые Никита принёс из дома: школьная тетрадь, камертон, кассета, старая кружка с надписью «Звук – это воздух, который решил сказать правду».

– Я такого не покупал, – сказал он.

– Я подарила на 18-летие, – ответила Анна.

– Точно. Ужасная кружка.

Он улыбнулся, но взгляд задержался на надписи, как будто читал впервые. Мила устроилась рядом с кроватью и за-

полняла тетрадь. Софья дала ей форму: время, изменение, воспоминание, степень уверенности. В последней графе Мила писала не цифры, а слова: «совершенно», «почти», «хочу верить».

– Третья стадия начнётся, когда близкие станут забывать его без подсказки, – объяснил Глеб. – Проверять будем каждые 2 часа.

– Как? – спросила Мила.

– По списку фактов. И по реакции на имя.

– Можно просто не спать и смотреть на него?

– Это помогает меньше, чем кажется. Память зависит не от усилия, а от связей.

Анна заметила, что он избегает смотреть на неё. После признания внизу между ними возникло новое расстояние – не близость, а контур скрытого. Она хотела потребовать ответа немедленно, но рядом сидел Никита, и каждая минута имела вес.

– Что делать с якорем? – спросила она.

Глеб указал на камертон.

– Укрепить связь. Нужен оригинальный снимок, где предмет связан с Никитой, и человек, который помнит момент съёмки.

– У меня есть негатив с его 10-летия.

– Где?

– В студии.

– Поедем.

Софья подняла голову от карточек.

– Северин, ты уверен? После реакции фонда она может потерять ещё один фрагмент.

– Без проявления мы не увидим повреждение якоря.

– Я здесь, – сказала Анна. – Можно обсуждать риск со мной.

Софья не смутилась.

– Частая работа со следом стирает ваши собственные воспоминания. Иногда временно. Иногда нет. На этой стадии боль будет сильнее, чем вчера.

– Насколько сильнее?

– Настолько, что у нас есть ремни на кресле.

– Очень обнадеживает ваша любовь к конкретике.

– Это не любовь. Это компенсация чужой секретности.

В студию они приехали после полуночи. Артём ждал у входа и отказался уходить.

– Я умею быть внешним якорем, – заявил он. – Например, помню, что Никита должен мне 2 300 # за раму.

– 1 800, – сказал Никита по громкой связи.

– Видите? Работает.

Анна оставила телефон включённым, чтобы брат слышал их. В архивном шкафу она нашла конверт «Никита, 10 лет». Внутри лежала цветная плёнка и 6 отпечатков. На снимках мальчик сидел за кухонным столом, держал камертон и морщился от вспышки.

– Снимала мама, – сказала Анна.

– Ты уверена? – спросил Глеб.

– Камера была у неё.

– Вспомните сам момент.

Анна закрыла глаза. Кухня в старой квартире. Клеёнка с лимонами. Окно запотело. Никита ударяет камертон о край стола, мать ругается. Но лицо матери не появлялось – только светлая блузка и руки.

– Я не вижу её лица.

– Это может быть обычное забывание.

– У меня есть сотни её фотографий.

– Фотографии заменяют воспоминание чаще, чем мы признаём.

Глеб сказал это тихо. Анна открыла глаза.

– Вы знали мою мать?

– Нет.

– А меня – да.

– Да.

– Мы работали вместе?

– Да.

– Были друзьями?

Он задержал взгляд на плёнке.

– Сейчас важно другое.

– Для вас, может быть.

– Для Никиты.

Анна хотела спорить, но брат произнёс из телефона:

– Он прав. Ненавижу это говорить о человеке с голосом

банковского уведомления, но прав.

Глеб почти улыбнулся. Не привычным вежливым движением, а коротко и по-настоящему. Анна неожиданно вспомнила, как этот смех звучит. Воспоминание не имело картинки – только ощущение тёплого плеча рядом и дождя по металлической крыше. Боль пришла сразу.

Она опёрлась о стол. Глеб оказался рядом, на этот раз коснулся её локтя.

– Что потеряли?

– Не знаю.

– Назовите сегодняшний адрес.

– Кожевенный переулок, 6. Студия «Светотень».

– Имя брата.

– Никита Светлов.

– Что вы делали утром?

Анна увидела чистый договор, камеру, пустую дверь. Всё на месте.

– Ничего.

– «Ничего» – не ответ.

– Я ничего не потеряла.

– Тогда что вспомнили?

Она посмотрела на его руку у своего локтя. Пальцы лежали точно там, где не причиняли боли. Слишком привычно.

– Ваш смех.

Глеб убрал руку.

В лабораторном уголке Анна подготовила контактную пе-

чать. Плёнка была цветной, но след памяти лучше проявлялся на серебросодержащей чёрно-белой бумаге. Она закрепила негатив в рамке, выставила увеличитель и выключила белый свет. Красная лампа окрасила лицо Глеба. Он стоял у двери, будто защищал выход.

– Вы всегда встаёте слева, – сказала Анна.

– Что?

– В читальном зале, в Архиве, сейчас. Слева от меня.

– Профессиональная привычка.

– Какая профессия требует постоянно закрывать человека от света?

Он не ответил.

Анна включила увеличитель. На листе появился прямоугольник света. Она сделала пробную полосу, определила экспозицию и перенесла бумагу в проявитель. Снимок проступал медленно. Стол, торт, руки матери, Никита с камертоном. Возле него стояла Анна, 14-летняя, худая, с короткой стрижкой. Этого она не помнила. Она была уверена, что снимок сделан ею.

– Кто нажал кнопку? – спросил Никита из телефона.

– Автоспуск, – сказала Анна. – Видимо.

На заднем плане появилось зеркало. В нём отражалась мать с камерой у лица.

– Тогда не автоспуск, – заметил Артём.

Глеб наклонился к кювете.

– Посмотрите на камертон.

Вокруг него тянулась чёрная дуга. Серп проникал в руку Никиты.

Анна коснулась края бумаги щипцами. Боль прорезала висок. Комната качнулась. Она увидела кухню – не снимок, а движение. Никита стучит камертоном по столу. Мать сердится. Анна смеётся. Потом свет меняется. Мать уже не стоит у зеркала. На её месте – пустота, а 14-летняя Анна держит фотоаппарат и говорит брату: «Смотри на меня. Даже если всё остальное забудется».

– Это не тот день, – прошептала она.

– Что? – спросил Глеб.

– Воспоминания наложены. Снимок с дня рождения, а слова – после похорон.

Из телефона донёсся голос Никиты:

– После похорон ты сказала, что не уйдёшь. Я это помню.

– Мне было 15. Камертон уже был.

– Да.

– Почему на снимке 2 момента?

Глеб подошёл ближе.

– Потому что якорь держит не дату. Он держит связь.

Чёрный серп разрастался. Анна понимала, что нужно сделать, раньше объяснения. Взять повреждённый участок и заполнить собственным воспоминанием.

– Сколько я потеряю?

– Неизвестно.

– Отличное слово вашего учреждения.

– Можно остановиться.

– Никита тогда потеряет якорь?

– Да.

Анна сняла перчатку и положила 2 пальца на мокрую бумагу.

Боль стала белой. Изображение исчезло, остался только голос матери, которого Анна не слышала много лет. Мама говорила: «Не разрешай страху делать тебя старше». Анна удерживала фразу, пока чёрный серп не дрогнул. Потом голос ушёл.

Не затих – исчез из памяти. Анна знала, что мать что-то сказала, но не могла вспомнить ни слов, ни тембра. На отпечатке камертон стал резким. Дуга отступила.

В телефоне Никита резко вдохнул.

– Я вспомнил, – сказал он. – Ты подарила его утром. Мама сняла нас. А обещание было годом позже.

Якорь укрепился.

Анна убрала руку. Колени не держали. Глеб подхватил её, и на секунду она оказалась прижата к его груди. Запах дождя, бумаги и знакомого одеколona ударил сильнее воспоминания. Тело узнало его раньше, чем разум: Анна повернула голову точно в ту сторону, где обычно находилось его плечо.

Они оба замерли.

Первым отступил Глеб.

– Что вы отдали? – спросил он.

Анна посмотрела на фотографию матери.

– Голос.

Он закрыл глаза на секунду.

– Я предупреждал.

– Нет. Вы перечислили риск. Это не одно и то же.

На мокрой бумаге за спиной Никиты проступила фигура девочки с ласточкой. Теперь она была старше – около 17. После проявления Анна не могла сразу подняться. Глеб усадил её на пол, прислонив к шкафу, и принёс воду. Он не касался без необходимости, но находился так близко, что она слышала его дыхание. Красная лампа делала выражение лица неразличимым.

– Расскажите о голосе матери, пока знаете, что потеряли, – сказал он.

– Зачем мучить?

– Чтобы зафиксировать границу. Что осталось фактом, что ощущением.

Анна закрыла глаза. Она помнила, что мама говорила тихо утром и громче по телефону, растягивала имя Никиты, когда сердилась. Но не могла услышать ни одного звука внутри головы. Вместо голоса возникал шорох кассеты.

– Я помню манеру, не тембр.

Глеб записал.

– Любимая фраза?

– Не знаю. Наверное... – Анна остановилась. – Не подсказывайте. Я должна понять сама.

– Не буду.

Она вспомнила движение губ на старом видео, без звука. Мать говорила что-то перед камерой, потом смеялась. Анна знала смысл: «Вы опять снимаете вместо того, чтобы жить». Фраза сохранилась, потому что была повторена много раз. Голос – нет.

– Потеряла не всё, – сказала она.

– Но достаточно.

– Вы жалеете, что позволили?

– Я не позволял. Вы решили.

Разница была важна. Анна посмотрела на него. В красном свете рубец у его виска казался темнее. Она подняла руку, не коснувшись.

– Это от пожара?

– Да.

– Вы закрыли меня?

– Да.

– Почему я это узнаю телом?

– Потому что память движения хранится иначе.

– И поэтому... – Она не закончила.

Поэтому рядом с ним её тело заранее знало расстояние. Поэтому в момент слабости она повернула голову к его плечу, будто делала сотни раз. Притяжение пугало именно узнаваемостью: тело помнило ритм, которого разум не мог подтвердить.

Глеб понял недосказанное и отодвинулся на несколько сантиметров.

– Я не буду использовать то, чего вы не помните.

– А если я сама не понимаю, где желание, а где старая привычка?

– Тогда не спешить.

– Вы умеете говорить правильные вещи.

– Научился после того, как делал неправильные.

Анна хотела спросить, какие именно, но из телефона до-
нёсся голос Никиты. Он перечислял предметы комнаты, что-
бы не потерять ориентацию. На слове «Мила» замялся и по-
просил её назвать фамилию. Они вернулись к отпечатку. Де-
вушка с ласточкой на заднем плане не была частью исходно-
го кадра: зерно вокруг неё отличалось. Анна измерила плот-
ность и выяснила, что изображение возникло в слое эмуль-
сии, не экспонированном камерой.

– Она не дорисована, – сказала Анна. – Она проявилась
из памяти, связанной с предметом.

– Значит, камертон уже контактировал с Лидией или её
фрагментом.

Никита вспомнил, что покупал новый футляр в мастер-
ской у старой колокольни 2 месяца назад. Продавец пода-
рил ему металлическую подвеску, которую он позже поте-
рял. Подвеска была в форме ласточки.

– Маркелов заранее пометил его, – сказал Глеб.

Анна нашла чек. Магази́на с указанным названием не су-
ществовало, но адрес совпадал с домом Льва Громова. Те-
перь за меткой Никиты проступала последовательность чу-

жих действий, начатая задолго до появления негатива. Перед отъездом Анна убрала мокрый отпечаток в отдельный конверт. На нём девушка стала старше ещё на несколько лет. Черты вокруг рта напоминали Никиту.

– Она меняется от каждого фрагмента, – сказала Анна. – Если мы будем только укреплять брата, не остановив источник, Маркелов возьмёт материал из самого укрепления.

– Значит, защита без расследования действительно недостаточна.

Глеб произнёс это как признание ошибки Архива. Анна запомнила.

Внизу появилась подпись, сделанная чужим почерком: «Спасибо за чувство безопасности».

Глава 8. Пожар без жертв

Утром Софья принесла 7 карточек и поставила на стол 2 чашки кофе. Одну – перед Анной, вторую – перед собой. Глебу не предложила.

Анна сделала глоток и поморщилась: кофе был сладким.

– Я пью без сахара.

Софья посмотрела на чашку.

– 8 лет назад клали 2 ложки.

Глеб поднял голову. Анна заметила реакцию.

– Ещё 1 привычка, которую я потеряла?

– Или изменила, – сказала Софья. – Люди делают это и без магии.

Она забрала чашку и принесла другую, не пытаясь превратить мелочь в доказательство прежней личности. Анна запомнила поступок. Архив постоянно говорил о возвращении «настоящего» человека, но никто не мог решить, в какой момент его следует считать настоящим. На дне первой чашки остался сахарный осадок. Когда Софья поставила её у раковины, крупинки сложились в цифры 4 и 17. Анна сфотографировала, затем размешала ложкой. На новом снимке цифры сохранились, хотя физически исчезли.

– Номер дела? – спросила она.

Софья побледнела.

– «Рябина». Закрытый случай Зориной.

– Вы знаете содержание?

– Нет. Только то, что доступ запрещён даже руководителю фонда.

– Тогда почему узнали номер?

– Потому что 8 лет назад вы искали это дело перед пожаром.

Глеб подошёл к раковине.

– В журнале расследования этого нет.

– Значит, убрали.

Анна сохранила исходный файл и сразу напечатала снимок на переносном принтере. Цифровая копия могла измениться; бумага с её рукописной датой становилась вторым источником.

– Что связывает «Рябину» с 7 людьми? – спросила она.

– Возможно, ничего, – ответила Софья. – Но Маркелов любил оставлять номера там, где их примут за случайный дефект.

На распечатке цифры выглядели не как сахар. Они были процарапаны на поверхности чашки изнутри.

– Вы не спали, – сказала Анна.

– Вы тоже.

– Я не скрываю.

– Я не скрываю. Я игнорирую.

Они находились в фонде аварийных свидетельств. Комната была заставлена ящиками с вещами, собранными после пожара на Кожевенном спуске: обугленная табличка, раз-

битый таймер, куски фотобумаги, металлическая кассета. У каждого предмета имелась рукописная карточка.

– Официально погибших не было, – сказала Софья. – 11 человек получили травмы, 4 уволились, экспериментальный отдел закрыли. Неофициально после пожара начались 7 случаев истончения.

Она разложила карточки.

Павел Воронцов – технический смотритель здания. Ирина Мельникова – медсестра Архива. Лев Громов – настройщик аппаратуры. Вера Кочина – фотограф. Борис Таранов – водитель. Олег Семченко – доброволец исследования. Татьяна Лескова – архивист.

– Все исчезли? – спросила Анна.

– Воронцов – полностью. Мельникова физически существует, но не узнаёт дочь. Громов потерял музыкальную память. Кочина не распознаёт лица. Таранов 6 лет меняет квартиры, потому что нигде не чувствует себя дома. Семченко называет себя разными именами. Лескова умерла 2 года назад, но до смерти не помнила человека, с которым прожила 30 лет.

– У них забрали разные части.

– Да.

Глеб поставил на стол распечатку снимка с девочкой.

– У Никиты появилась память Лидии Маркеловой. На отпечатке была благодарность за чувство безопасности. Возможно, каждый случай – извлечение конкретного компонен-

та.

Софья посмотрела на него.

– Ты произнёс это так, будто вчера не собирался скрыть от Анны половину дела.

– Я пересмотрел подход.

– Поздравляю с личностным ростом. Поздновато на 8 лет.

Анна заметила, как Глеб напрягся. Софья не просто не доверяла ему – она злилась из-за прошлого, которое Анне было недоступно.

– Почему вы считаете меня ответственной? – спросила она.

Софья поправила край карточки Воронцова.

– Потому что установка работала через вас.

– Я её создала?

– Нет.

– Запустила?

– Участвовали.

– Добровольно?

– Сначала да.

– А потом?

– Потом пытались остановить.

– Софья, – предупредил Глеб.

– Что? Теперь правда вредна только по расписанию Зориной?

Софья достала фотографию лаборатории после пожара. На полу лежали разбитые кюветы, стены покрывала копоть.

В центре стояла установка: круглая контактная рама, соединённая трубками с барабаном. В отражении стеклянной двери барабана не было.

– Почему он не отражается? – спросила Анна.

– Частично изъят из памяти, – ответила Софья. – Предмет существовал физически, но уже тогда начал выпадать из фиксации.

– Кто его построил?

– Константин Маркелов. Руководитель экспериментального отдела. Ваш наставник.

Имя снова вызвало боль, но слабее. Анна удержалась.

– Он жив?

– Признан погибшим при пожаре, – сказала Софья.

Глеб молчал.

– Вы не верите, – заметила Анна.

– Тела не нашли, – ответил он. – В документах факт смерти появился через 3 дня без подписи врача.

– Почему дело закрыли?

Софья вынула из коробки 4 версии итогового акта. Они отличались не только формулировками, но и датами. В первом пожар произошёл 2 июня в 22:14. Во втором – 1 июня в 21:47. Третий называл событие «коротким замыканием без открытого горения». Четвёртый вообще не упоминал лабораторию 4.

– Какой настоящий? – спросила Анна.

– Все подписаны действительными сотрудниками, – отве-

тила Софья. – Каждый помнит свою версию.

– А физические данные?

Глеб разложил счета пожарной службы, записи скорой помощи и квитанции трамвайного депо. В ночь аварии движение на Кожевенном спуске остановили в 21:51. Первая машина скорой прибыла в 22:08. Официальный вызов пожарных зарегистрирован в 22:26.

– Значит, событие началось до времени из 1-го акта и после времени из 2-го, – сказала Анна.

– Или часы рядом с матрицей уже меняли память о последовательности, – ответил Глеб.

На обугленном таймере сохранилось 21:47. Это время повторялось в нескольких голосовых записях, но на фотографии циферблат показывал 22:14. Анна сняла таймер с 8 ракурсов. Только на кадре, где в стекле отражалась карточка «Рябина», цифры стали 21:52.

– Не ищем 1 правильные часы, – сказала она. – Ищем решение, которое произошло между версиями.

В журнале вызовов нашлась строка: в 21:49 Глеб сообщил Зориной о несанкционированном отключении. В 21:50 Маркелов открыл подачу раствора. В 21:52 Анна вошла в лабораторию. Изменение дат скрывало не пожар. Оно размывало причинную связь между звонком Глеба и ранним запуском Маркелова.

Глеб прочитал строку и ничего не сказал. Анна заметила, как он запомнил лист целиком, будто уже знал, что документ

может исчезнуть. Софья посмотрела на Зорину, которой в комнате не было, словно та могла услышать через каменные стены.

– Архив решил, что масштаб правды опаснее последствий сокрытия.

– Удобно.

– Я голосовала против, – сказала Софья. – Мне было 30, я верила, что возражение в протоколе что-то меняет.

Она передала Анне карточку Веры Кочиной. Подпись эксперта внизу была сделана странно: буква «М» разрывалась посередине, как 2 отдельные вершины.

– Кто подписал?

– «М. Коренев». Такого сотрудника не было.

– Маркелов?

– Возможно.

Анна поднесла карточку к свету. Чернила подписи выглядели свежее текста, хотя дата стояла 2019 годом.

– Он приходил после пожара.

– Или кто-то использовал его подпись, – сказал Глеб.

– Вы защищаете его?

– Я защищаю расследование от удобного ответа.

Софья достала пакет с серым порошком.

– Соскоб с оборудования Воронцова. В составе метол, гидрохинон, карбонат натрия и примесь соли меди. Рецепт проявителя Маркелова.

– Одинаковый состав на негативе? – спросила Анна.

– Проверим.

Они взяли микроскопический соскоб с края пластины. Анна наблюдала, как Софья работала: без лабораторной эффектности, спокойно, записывая каждое действие. Результат показал ту же медную примесь.

– Значит, Маркелов жив, – сказала Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.